Александръ Новиковъ.

ГБ118
Н896

Въ чьихъ рукахъ должна быть власть надъ народомъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АМИРАНЪ»
АЛ. АРАБИДЗЕ.
С.-ПБ.

Александръ Новиковъ.

Въ чьихъ рукахъ должна быть власть надъ народомъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АМИРАНЪ"
АЛ. АРАБИДЗЕ.
С.-ПБ.

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГБИ8
Н896 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

188988

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Новая Типо-Лит. Бузе и Лассманъ, Волынскій пер., 4.

Въ чьихъ рукахъ должна быть власть надъ народомъ.

Въ глубокую старину люди были совсѣмъ дикіе и не знали не только употребленія желѣза и другихъ металловъ, но даже огня. Начали люди жить болѣе или менѣе человѣческой жизнью, лишь научившись добывать огонь треніемъ сухихъ дерявшекъ другъ о друга. А до тѣхъ поръ они могли жить лишь въ теплыхъ странахъ, скрывались отъ непогоды въ пещерахъ, ѣли сырое мясо, словомъ были въ полномъ смыслѣ дикари. Ученые говорятъ, что въ то время люди жили ордами, при чемъ мущины и женщины сходились какъ скоты, не зная постоянныхъ мужей и женъ.

Позднѣе, когда люди узнали, что такое огонь, и научились дѣлать изъ камня, а также изъ желѣза инструменты, которыми обрабатывали дерево, они стали образовывать семьи, но не такія какъ у насъ, гдѣ у одного мужа есть одна жена, а у нихъ общія дѣти. Такія семьи образовались позднѣе, а сначала въ семьѣ полагалось, чтобы у одного мужа было нѣсколько женъ или у одной жены нѣсколько мужей. Семьи образовались различно, смотря по мѣсту и по времени. У нашего святого князя Владиміра, который крестилъ Русь, было пять законныхъ женъ и восемьсотъ незаконныхъ. Не надо думать, что, какъ на Руси воцарилось христіанство, такъ перестали имѣть по нѣсколько женъ. Нѣтъ,

двѣсти лѣтъ послѣ крещенія Руси, у насъ еще было многоженство, и духовенство на это смотрѣло сквозь пальцы и даже вѣнчало такіе браки, чтобы не разсердить князей и воеводъ.

И у насъ и у другихъ народовъ устойчивою сдѣлалась семья, когда она приняла форму семьи *патріархальной*. Патріархальной называется такая семья, гдѣ живетъ вмѣстѣ довольно большое число людей близкихъ между собою по родству: братьевъ, внуковъ, племянниковъ и гдѣ во главѣ стоитъ старшій членъ семьи, пользующійся большою властью. И у насъ еще встрѣчаются въ деревняхъ такія семьи, гдѣ старшій хозяинъ называется „патріархомъ“ и котораго каждое слово, исполняется всѣми членами семьи безъ разсужденій.

Власть такого „патріарха“ въ старину была почти безгранична. Безъ него ничего не дѣлалось въ домѣ. За малѣйшій проступокъ онъ наказывалъ ударами палки, а за большіе проступки запарывалъ членовъ семьи, хотя бы и женщинъ, до смерти. Замужъ дѣвицъ онъ выдавалъ, не справляясь съ ихъ желаніями; а онѣ не смѣли ни возражать, ни выказывать своего неудовольствія. Одновременно мужъ за измѣну жены, или даже по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, могъ карать ее смертною казнію. Въ иныхъ мѣстахъ отецъ, изъ-за одной бѣдности, могъ продать свою дочь въ рабство.

Все это, конечно, въ меньшей степени есть и у насъ. Правда не убиваютъ женъ и дѣтей, но „учатъ“ ихъ палкой, дочерей выдаютъ, а сыновей женятъ насильно. Это конечно шуточки въ сравненіи съ тѣмъ невѣроятнымъ гнетомъ „старшаго“ на всю семью, какая была въ старину.

Естественно спросить: почему это терпѣли младшіе члены семьи? Почему не возставали противъ этого гнета?

А вотъ почему: потому что уже въ тѣ времена люди поняли, какъ можно заставить другихъ безропотно дѣлать, что имъ угодно. Стоитъ препод-

нести имъ самое безобразные законы, подъ видомъ вѣры, религіи — и они могли быть спокойны, что люди подчинятся самымъ гнуснымъ притѣсненіямъ.

Въ разныхъ мѣстахъ были разныя религіи. У евревъ былъ одинъ богъ, у грековъ и у римлянъ по множеству боговъ, у египтянъ тоже много боговъ, при чемъ изъ двухъ главныхъ одинъ добрый и одинъ злой, вѣчно между собою враждовавшіе. Но вездѣ прежде всего внушалось одно: подчиненіе старшимъ. Не будь этихъ религій, ни за что не удалось бы заставить молодыхъ людей терпѣть насилія хотя бы „патріарха“. Но они вѣрили, что „грѣхъ“ не подчиняться; и подчинялись до смерти.

Въ старину государствъ не было. Людей было мало; и жизнь они вели кочевую. Они не прикрѣплялись къ землѣ; городовъ и постоянныхъ селъ не строили, а переѣзжали съ мѣста на мѣсто; искали, гдѣ лучше, и селились, какъ бы лагерями на время, пока охотой заготовятъ себѣ мясо, и пока используютъ своими стадами пастьбища. Земля была ничья, „божья“, какъ говорили.

Но кочевать отдѣльными семьями, хотя бы довольно многочисленными было очень затруднительно. Поэтому нѣсколько семей стали образовывать роды. Родъ въ разныхъ мѣстахъ образовывался различно. Кое-гдѣ семья разросталась, дѣлилась и продолжала жить вмѣстѣ, образуя родъ, связанный между собою узами родства. Въ другихъ мѣстахъ въ роды собирались семьи, хотя и не родственныя между собою, но имѣющія общую религію и общій языкъ.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ люди научились дѣлать инструменты изъ желѣза, они стали болѣе и болѣе переходить отъ занятія охотой и скотоводствомъ къ земледѣлію. А земледѣліемъ, кочуя, заниматься нельзя. Поэтому роды и стали осѣдать на землю, сперва, конечно, по берегамъ морей и рѣкъ; начали строить города. Явилось

понятіе о сосбтвенности на землю. Земля перестала быть „божьей“.

Естественно, что, когда роды начали захватывать лучшую землю, у нихъ возникли между собой споры о землѣ, споры, которые разрѣшались силой. Начались войны. Чтобы быть сильнѣе, роды начали вступать между собою въ союзы.

Такимъ образомъ начали образоваться „государства“.

Теперь посмотримъ, какъ стали управляться государства и въ чьи руки попала власть. Общаго правила, конечно, вывести нельзя. Всякій народъ устраивался по-своему въ зависимости главнымъ образомъ отъ характера народовъ и отъ условій, въ которыхъ ему пришлось осѣсть на землю.

Воевать вразбродъ, безъ общаго плана дѣйствій, невозможно. Это значитъ—итти на вѣрное пораженіе. Поэтому, когда въ борьбѣ за землю вновь образовавшіеся народы начали между собою воевать, они должны были изъ своей среды выбирать на время войны начальниковъ, которые командовали бы войскомъ. По окончаніи войны роль такого главнокомандующаго кончалась, ибо постоянныхъ войскъ не было, а на войну шелъ, вооружившись, весь народъ.

Но необходимость власти чувствовалась и въ мирное время. Не только нужно было вести переговоры съ сосѣдями, но распри возникали и внутри народа, между отдѣльными лицами. Эти распри надо было разбирать; если оказывался виновный—то его наказывать. Другими словами—потребовался „судъ“.

Государства были тогда не такія, какъ теперь. Теперь, если взять хотя бы Россію, въ составъ государства входитъ полтораста милліоновъ людей, десятая часть всего человѣчества. А занимаетъ она площадь изъ конца въ конецъ въ одиннадцать тысячъ верстъ, площадь, составляющую шестую часть всей суши земного шара. А тогда государ-

ство-то все было въ родѣ села теперешняго. Всѣ вопросы, касающіеся народа, рѣшались всѣмъ народомъ, которому собраться было нетрудно. Народъ же на сходѣ творилъ судъ надъ отдѣльными лицами. Тогда безграничная власть принадлежала всему народу. Какое бы рѣшеніе народъ ни вынесъ, жаловаться было некуда. Да и самая мысль объ обжалованіи не могла никому притти въ голову, ибо выше народа не было и не могло быть никакой власти. При такомъ лишь порядкѣ могла родиться поговорка: „гласъ народа—гласъ божій".

Между тѣмъ мало по малу народы стали увеличиваться численно. Происходило это тремя путями: естественнымъ приростомъ населенія, объединеніемъ двухъ или болѣе народовъ въ одинъ съ цѣлью болѣе легкой борьбы съ общими врагами и наконецъ покореніемъ одного народа другимъ путемъ войны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда одинъ народъ покорялся другимъ, внутренній порядокъ въ новомъ государствѣ не былъ такой, какой былъ прежде. Всѣ граждане побѣжденнаго народа не только не получали полныхъ правъ въ новомъ государствѣ, но лишались всякихъ правъ, т. е. дѣлались рабами. Между тѣмъ сталъ измѣняться и тотъ государственный строй, по которому власть была въ рукахъ всего народа, который на всенародныхъ сходахъ рѣшалъ какъ государственныя дѣла, такъ и тяжбы между отдѣльными лицами. Дѣйствительно такой порядокъ сталъ уже невозможенъ, ибо народы стали многочисленны, земли занимали уже много и не были всѣ скучены въ одномъ городѣ или селѣ а образовали нѣсколько заселенныхъ мѣстъ, разбросанныхъ по всей землѣ. При такихъ условіяхъ созывать все населеніе государства по каждому отдѣльному случаю стало уже немыслимо. Нѣкоторыя дѣла — не особенно важныя—стали разбираться не всѣмъ народомъ, а частью его, напримѣръ жителями одного поселка, одного города.

Но и это оказалось недостаточнымъ. Были дѣла, касавшіяся всей страны, которыя требовали быстраго разрѣшенія и изъ-за которыхъ народъ созывать было нельзя. Необходимо было учредить *правительство*, т. е. имѣть людей, облеченныхъ полнымъ довѣріемъ народа, которые рѣшали бы дѣла за него, издавали бы законы, обязательные для всѣхъ гражданъ, творили бы судъ и издавали бы разныя распоряженія отъ имени народа. Въ разныхъ мѣстахъ эти правительства составлялись различно.

Большею частью правительство составлялось изъ опредѣленнаго для каждаго народа числа лицъ. Попадали туда конечно самые уважаемые люди по избранію народа. Число ихъ было различно: три, десять, сорокъ, а то и больше.

Ихъ единственнымъ назначеніемъ было служить народу и отдѣльнымъ лицамъ изъ народа. Считалъ ли кто себя кѣмъ либо обиженнымъ, онъ шелъ къ правительству и получалъ удовлетвореніе. Каждый человѣкъ смотрѣлъ на правительство, какъ на защитника его правъ отъ злыхъ людей.

Иногда изъ среды гражданъ выдѣлялись отдѣльныя лица, которыя пріобрѣтали большое вліяніе на народъ. Въ особенности это явленіе замѣчалось по отношенію къ полководцамъ. Необходимость имѣть во время войны одного полководца сознавалась всегда. Пока воевали, всѣ взоры были обращены на войско; а всѣ домашнія дѣла отходили на задній планъ. Да иначе и быть не могло. Вѣдь теперь воіины потеряли то значеніе, которое имѣли тогда. Теперь часто воюютъ изъ-за какой нибудь отдаленной провинціи, или даже изъ-за какого нибудь недоразумѣнія между царями. Тогда побѣжденный народъ долженъ былъ итти на вѣкъ въ рабство къ побѣдившему. Ни пощады, ни снисхожденія, ни какого-либо иного выхода быть не могло. Понятно, что всѣ взоры были во время войны обращены на полководца. Понятно и то,

что, когда онъ возвращался побѣдоносный во главѣ своего войска и съ рядами скованныхъ рабовъ и рабынь, онъ дѣлался народнымъ героемъ.

Такого народнаго героя народы иногда и въ мирное время ставили во главѣ правительства, поручая ему власть издавать законы, творить судъ и наблюдать, чтобы законы исполнялись. Эти народные вожди стали называться князьями, царями и другими именами различными у разныхъ народовъ.

Иногда, впрочемъ, правителей выбирали себѣ народы и не изъ военачальниковъ, а просто изъ старцевъ, отличившихся мудростью или справедливостью и заслужившихъ тѣмъ благодарность своихъ согражданъ.

О правителяхъ этихъ мы должны повторить то, что говорили раньше о правителяхъ—старшинахъ, что на нихъ смотрѣли исключительно какъ на защитниковъ правъ отдѣльныхъ гражданъ отъ насилія дурныхъ людей. Всѣ дѣйствія правителя были на виду у народа. Распоряженія дѣлались открыто; судъ тоже. Словомъ, народъ имѣлъ всегда возможность контролировать каждое малѣйшее дѣйствіе правителя.

Затѣмъ правитель выбирался народомъ, и если бы онъ пересталъ быть народу угоденъ, то народъ имѣлъ полную возможность его смѣстить и взять на его мѣсто другого. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ правители не могли злоупотреблять своею властью. Хозяиномъ оставался по прежнему народъ, въ рукахъ котораго продолжала заключаться власть. Правитель же былъ только временнымъ ставленникомъ народа, какъ бы его управляющимъ. Дорожившій своимъ положеніемъ правитель долженъ былъ исполнять во всемъ волю народа.

Но мало по малу отношенія правителя къ народу стали измѣняться. Въ народахъ явилась страсть къ завоеваніямъ. Это было понятно, если

припомнимъ, что побѣжденные народы обращались въ рабство, а земли ихъ отбирались побѣдителями. Конечно справедливость требовала бы, чтобы большой народъ не старался завоевывать маленькаго. Мѣста, въ особенности въ то время, хватило бы для всѣхъ. Но природа человѣческая такова, что народы думаютъ лишь о своемъ благополучіи. Поэтому большіе, богатые, сильные народы шли войной на маленькіе, бѣдные и слабые, земли у нихъ отбирали, а людей обращали въ рабовъ.

Такъ образовывались большія государства. Народы уже не могли рѣшать вопросовъ сообща, такъ какъ по дальности разстояній не могли собираться всѣ вмѣстѣ для обсужденія государственныхъ вопросовъ. По этой же причинѣ, нельзя уже было контролировать всѣ дѣйствія правителей; и они уже безнаказанно для себя могли злоупотреблять властью и поступать несправедливо.

Этому помогалъ самый составъ подвластныхъ имъ народовъ. Народы вслѣдствіе того, какъ они образовывались, уже не представляли дружную однородную массу, какъ прежде, а дѣлились на правящихъ и покоренныхъ. Правящіе классы, это были потомки того народа, который началъ завоевывать и обращать въ рабство сосѣдей. Къ тому времени, когда образовались большія государства, эти правящіе классы составляли малую долю всего населенія. Большинство же населенія состояло изъ народовъ покоренныхъ. Конечно всѣхъ въ рабствѣ держать было невозможно, ибо можно было опасаться, что они возмутятся, когда ихъ будетъ очень ужъ много. Поэтому съ теченіемъ времени часть покоренныхъ народовъ получали свободу и хотя на полученіе полныхъ правъ, какими пользовались побѣдители, они не могли разсчитывать, но все же рабами быть переставали и получали нѣкоторое удовлетвореніе. Такъ образовались различныя сословія или классы населе-

нія. Высшее сословіе, которое считало себя благороднымъ и требовало себѣ большихъ правъ, называлось въ разныхъ государствахъ различно. У нашихъ предковъ принадлежавшіе къ этому сословію назывались „боярами“ и „дворянами“.

Между различными сословіями не могла не возникнуть вражда. Ссорясь между себою, сословія старались найти помощь у правителя. Таковую правитель конечно оказывалъ дворянству. Самъ онъ всегда принадлежалъ къ дворянству; дворянство владѣло землей, было богато; за нимъ было право имѣть рабовъ, которыми оно распоряжалось по своему произволу. Правитель, если хотѣлъ остаться долго во главѣ народа, долженъ былъ непремѣнно опираться на дворянство. Такъ и было всегда и вездѣ. За эту поддержку дворянства, правитель въ свою очередь долженъ былъ помогать дворянству въ его борьбѣ съ другими сословіями. Уже не говоря о рабахъ, съ которыми обращались какъ со скотомъ, дворяне имѣли столкновенія и съ крестьянами и горожанами. Таково ужъ свойство всякихъ привиллегированыхъ сословій, что чѣмъ больше они имѣютъ, тѣмъ больше хотятъ получить.

Этотъ союзъ правителей съ дворянами, т. е. людьми родовитыми и богатыми, причинилъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій громадное зло народамъ. Даже простая справедливость правителя къ простому народу вызывала неудовольствіе дворянъ и дѣло кончалось тѣмъ, что правителю приходилось или уступить дворянству, или уходить.

Такимъ образомъ роль правителей перемѣнилась: изъ защитниковъ обиженныхъ, они превратились въ помощниковъ угнетателей народа. Голосъ всего народа уже переставалъ имѣть для нихъ какое либо значеніе.

По мѣрѣ того какъ государство росло, завоевывая сосѣднія земли, увеличивалось занятое имъ пространство земли, увеличивалось и число жите-

лей. Понятно, что не могъ одинъ правитель справиться со всѣмъ дѣломъ государственнымъ. Ему пришлось отъ себя посылать довѣренныхъ лицъ, которыя правили отдѣльными областями или городами. Эти въ свою очередь должны были тоже имѣть помощниковъ съ болѣе мелкими участками.

Не могли тоже правители и ихъ помощники справиться со всѣми дѣлами. Вѣдь надо было писать законы, чинить судъ и дѣлать всякія распоряженія, слѣдить за порядкомъ и т. д. На это все требовалось особое знаніе, особый опытъ. Поэтому стали правители назначать людей спеціально знакомыхъ съ разными отраслями управленія. А такъ какъ довѣрія уже полнаго между народомъ и правителями не было, то пришлось держать цѣлую массу соглядатаевъ, которые слѣдили за дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и должны были предупреждать всякія нарушенія законовъ. Этимъ было положено начало полиціи.

Такъ образовался новый классъ гражданъ, которые въ зависимости отъ правителей служили государству, получая конечно за это вознагражденіе. Этотъ классъ называется „бюрократіей“, а по русски „чиновничествомъ“. Число чиновниковъ съ осложненіемъ государственной жизни росло съ головокружительной быстротой. Правители и приближенные къ нимъ стали прибирать къ своимъ рукамъ такія дѣла, которыя собственно могли бы и не касаться власти. Напримѣръ школы, лѣченіе народа. Желаніе имѣть больше власти такъ заражало властителей, что они захотѣли назначать и врачей и учителей, хотя въ наукѣ сами ничего и не понимали.

Вотъ какимъ путемъ чиновничество численно разрослось, такъ что его можно назвать сословіемъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: откуда брали властители чиновниковъ? Высшія всѣ должности приносятъ хорошій доходъ какъ жалованьемъ, такъ

и возможностью красть изъ государственнаго сундука. Кромѣ того власть, связанная съ высокими должностями, весьма заманчива помимо связанной съ нею денежной стороны.

Естественно было правителями эти всѣ должности давать людямъ самымъ близкимъ: родственникамъ, друзьямъ. Эти въ свою очередь благодѣтельствовали своимъ друзьямъ. Понятно, что всѣ мало мальски порядочныя мѣста попали въ руки дворянства. Не дворянъ брали на тѣ лишь должности, на которыя дворяне не шли. Понятно также, что и на всѣ маленькія должности попадали люди угодные правительству и высшему сословію.

Правители, чиновники, дворяне, находясь постоянно у власти и у казны, естественно были богаты. Но и люди другихъ сословій, кромѣ конечно рабовъ, не имѣвшихъ права имѣть собственность, въ особенности люди, занимавшіеся торговлею, часто становились тоже богаты. Дворяне съ своей стороны часто разорялись, ибо вели широкую, роскошную жизнь. Часто даже сами правители расходовали больше, чѣмъ имъ позволяла народная казна. Они всегда были увѣрены, что денегъ найдутъ. А находили они денегъ именно у этихъ самыхъ богачей. У нихъ они дѣлали займы иногда отъ своего имени, а иногда и отъ имени казны. Капиталисты спѣшили итти на встрѣчу ихъ желаніямъ, а взамѣнъ того получали въ свою очередь разныя поблажки, въ которыхъ такъ нуждается торговля.

Тутъ опять бѣдный людъ вмѣсто того, чтобы найти въ правителяхъ и правительствахъ союзниковъ противъ притѣснявшихъ ихъ капиталистовъ, наоборотъ наткнулся на союзъ власти и капитала.

Но какъ ни сильна поддержка, которую правители могли найти у дворянъ, чиновниковъ и капиталистовъ, притѣсняемый ими народъ могъ бы, возставши, освободиться отъ своихъ притѣснителей, если бы у власти не было еще одного могу-

чаго союзника. Мы говоримъ о войскѣ. Войны и возстанія покоренныхъ народовъ начали повторяться все чаще и чаще. Нѣкоторыя государства дошли до такого состоянія, что воевали вѣчно или изъ своей собственной алчности и кровожадности, или изъ необходимости защищаться отъ воинственныхъ сосѣдей. Война сдѣлалась явленіемъ постояннымъ. Нужно было держать и постоянное войско. Оно дѣйствовало и противъ народовъ уже покоренныхъ, но возставшихъ. Но правительства, опираясь на высшія сословія, иногда дѣлались ненавистными низшимъ классамъ всего населенія. Эти низшіе классы стали иногда волноваться даже въ коренныхъ народностяхъ, не покоренныхъ. Правители стали употреблять войска для подавленія и такихъ внутреннихъ смутъ. Поэтому все дѣлалось, чтобы войско было предано не народу, а правительству. По данному приказанію они должны были быть готовыми разстрѣливать своихъ же.

Для достиженія такого результата употреблялись всякія средства. Начальники войска, генералы и офицеры, брались изъ вѣрнаго дворянства. Солдатамъ при побѣдѣ было позволено грьбить побѣжденныхъ, насиловать женщинъ — словомъ ихъ привлекали, потакая самымъ низменнымъ ихъ страстямъ, лишь бы они служили вѣрой и правдой правителямъ. Войска иногда нанимались изъ чужихъ странъ, а платили имъ громадныя жалованія изъ народныхъ денегъ для того, чтобы они избивали этотъ самый народъ!

Но какъ бы правительства ни старались держать народъ насиліемъ, трудно думать, что это бы имъ удалось надолго. Дворянъ, чиновниковъ, богатыхъ людей, войскъ наконецъ — меньше чѣмъ народу. И у многихъ изъ нихъ — въ особенности у солдатъ, которые выходятъ большею частью изъ того же народа, — часто не поднялась бы рука противъ своихъ же братьевъ. Одной силой физической правителямъ не удалось бы держать на-

роды въ полномъ повиновеніи. Надо было правителямъ, чтобы окончательно укрѣпиться въ народахъ, воздѣйствовать на ихъ духовную сторону. Для этой цѣли воспользовались религіями.

Одно изъ самыхъ общихъ всему человѣчеству свойствъ пока люди еще мало образованы — это стремленіе людей къ вѣрѣ въ невидимое и непонятное. Такая вѣра часто объединяла громадныя массы людей не въ одномъ какомъ-либо народѣ, а во многихъ народахъ. Только люди ученые, и то за послѣдніе только вѣка стали говорить, что вѣровать надо лишь въ то, что можно видѣть, осязать или понять. Все остальное должно считать за предразсудки.

Пользуясь народной темнотой, появились люди, которые, выдавая себя за посланныхъ самими богами, начали направлять народную вѣру въ свою пользу. Они назывались жрецами, морочили людей фокусами, которые выдавали за чудеса, предсказывали будущее, отпускали грѣхи, обѣщали вѣчное блаженство. Народъ шелъ за ними, слушался ихъ и естественно награждалъ ихъ большими дарами. Религіи всѣ основывались дѣйствительно великими людьми, которые старались сдѣлать посредствомъ религіи людей лучше, добрѣе. Только потому религіи такъ быстро и распространялись.

Возьмемъ христіанство. Оно учило любить не только ближнихъ, но и враговъ, учило раздавать имущество нищимъ. Такое ученіе понравилось людямъ и христіанство очень быстро распространилось. Но что сдѣлали изъ него священники? Совсѣмъ обратное того, что училъ Христосъ! Христосъ нигдѣ не велѣлъ убивать — священники приказывали итти на войну, благословляя воиновъ, и даже сами присуждали къ смертной казни! Христосъ не велѣлъ божиться—священники гнали людей присягать по требованію начальства, и т. д., и т. д. Выходило все наоборотъ. Кончилось тѣмъ,

что больше всего стали гнать истинныхъ христіанъ, желавшихъ жить по Христу, кто? — священники же христіанскіе! Правители поняли, что съ духовенствомъ имъ ссориться нельзя, и что наоборотъ, идя съ нимъ рука объ руку, они ничего кромѣ пользы для себя не увидятъ. Замѣчательно, что правительства и духовенство вездѣ и всегда шли за одно. Духовенство морочило народы и поддерживало этимъ правительство, а правительство все государство устраивало согласно желанію духовенства. Народъ держался во мракѣ, въ невѣжествѣ и въ убѣжденіи, что дѣлаетъ святое дѣло и заслуживаетъ вѣчнаго блаженства, поддерживая то самое правительство, которое его истязало и то самое духовенство, которое его грабило. Въ церквахъ то и дѣло раздавались молитвы за правителей, а войска готовы были силой заставить народъ подчиняться велѣніямъ духовенства.

Этотъ союзъ правительства съ духовенствомъ являлся для правителей самымъ могущественнымъ орудіемъ порабощенія народа. Ему внушали, что сами боги дѣйствуютъ въ лицѣ правителей. Такъ японцамъ внушили, что ихъ микадо потомокъ солнца; китайцы увѣрены, что ихъ богдыханъ—сынъ неба; во многихъ мѣстахъ родъ царей вели отъ пророковъ, да и многихъ умершихъ царей объявляли святыми, хотя жили они совсѣмъ не по божьему.

Если теперь взглянуть какъ живетъ народъ и какъ живутъ такъ называемыя высшія сословія, то нельзя не поразиться этой разницею. Большинство работаетъ и при этомъ страдаетъ отъ голода, холода, болѣзней—словомъ живетъ въ самой ужасной нищетѣ; а доходы, которые получаютъ за ихъ работу—всѣ идутъ на удовлетвореніе самой безумной роскоши людей не работающихъ.

Это и есть результатъ союза правителей съ могущественными сословіями: дворянствомъ, капиталистами, чиновничествомъ, войскомъ и духовен-

ствомъ. Всѣ они вмѣстѣ дѣйствуютъ не только силою, но и хитростью, и добились даже того, что часть этого самаго трудящагося народа не отстаиваетъ свои права, а имъ же помогаетъ, какъ будто такъ и быть должно, чтобы народъ страдалъ, а палачи его на этихъ страданіяхъ народныхъ строили свое благосостояніе.

Мы видѣли, что правители сперва избирались народомъ и по требованію народа должны были уступать свое мѣсто другимъ. По мѣрѣ того, какъ государство разросталось, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь усложнялась, контроль народа надъ правителемъ, а послѣ и надо всѣмъ чиновничествомъ дѣлался менѣе и менѣе возможнымъ. А такъ какъ въ народѣ единодушія уже не стало, то правителей ставило, не спрашиваясь народа, одно высшее сословіе. Но сила правителя все росла; и наконецъ онъ уже вовсе пересталъ считаться съ желаніями народными. Если же народъ позволялъ себѣ выказывать свое неудовольствіе, то его всегда можно было усмирить съ помощью солдатъ.

Народъ вовсе перестали спрашивать. И если вопросъ о новомъ правителѣ и поднимался, то рѣшался высшими сословіями безъ участія въ выборахъ народа.

Но и этого правителямъ показалось мало. — Когда понятіе о томъ, что на правителѣ лежитъ особая божья благодать, распространилось благодаря духовенству въ народѣ, то явилась у нѣкоторыхъ правителей мысль, что эта божья благодать распространяется не только на нихъ самихъ, но и на весь родъ ихъ, на все потомство. Вѣдь родство съ солнцемъ, съ луною очевидно распространяется и на сына и на внука и т. д. Поэтому послѣ смерти правителя, кому наслѣдовать, какъ не сыну, не внуку и т. д.?

Такимъ образомъ явилось понятіе о „престолонаслѣдіи“. И не стали уже выбирать себѣ въ правители людей чѣмъ либо выдвинувшихся, отличив-

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б)
188988

шихся, и потому народу угодныхъ; а правителемъ дѣлался человѣкъ тѣмъ, что родился старшимъ сыномъ прежняго правителя.

Законы престолонаслѣдія были въ разныхъ государствахъ различны. Въ однихъ престолъ переходитъ только мужчинамъ, а если у правителя не было сыновей, то власть переходила къ братьямъ, племянникамъ, а то и дальнему родственнику, лишь бы онъ былъ мужчиной. Въ другихъ же государствахъ за неимѣніемъ сыновей, власть переходила къ дочери, а за тѣмъ къ ея дѣтямъ. Но изъ семьи власть не выходила ни въ какомъ случаѣ. Однимъ словомъ власть надъ народомъ стала достояніемъ, собственностью одной семьи, одного рода. Хорошъ ли, плохъ ли правитель; счастливъ ли народъ при его правленіи, или наоборотъ изнываетъ отъ притѣсненій дворянъ или чиновниковъ—все равно: правитель былъ, правитель законный по законамъ престолонаслѣдія; и никакихъ дальнѣйшихъ разсужденій не полагалось. Народъ долженъ былъ подчиниться и терпѣть, если надо, безъ разговоровъ.

Вмѣстѣ съ этимъ росла и власть правителя. Не боясь контроля народнаго и имѣя вѣрныхъ помощниковъ въ лицѣ правящихъ классовъ, онъ могъ позволять себѣ больше и больше. Законы писалъ какія хотѣлъ, при чѣмъ всѣ были обязаны ихъ исполнять кромѣ его самого; бралъ съ народа какія хотѣлъ подати и расходовалъ ихъ по своему усмотрѣнію. А разъ онъ могъ не исполнять закона, разъ по закону онъ не отвѣчалъ, что бы онъ ни сдѣлалъ,—естественно было, что онъ часто не стѣснялся ничѣмъ и позволялъ себѣ въ угоду однимъ нарушать права другихъ. Понятно тоже, что и всѣ законы и отдѣльныя распоряженія издавались всегда въ одномъ духѣ—благопріятномъ для правящихъ классовъ и разорительномъ для народныхъ массъ.

Эта громадная власть, которая досталась въ удѣлъ правителямъ и которая поставила ихъ выше всѣхъ въ государствѣ и даже выше закона, власть,

которую они ни съ кѣмъ не обязаны были дѣлить и которая ничѣмъ не была ограничена—называется властью „самодержавною“, а правители, этою властью облеченные — „самодержцами“. Такова была между прочимъ власть русскихъ императоровъ до манифеста 17-го октятря 1905 года, каковымъ русскій царь самъ ограничилъ хотя немного свою власть. Въ чемъ это ограниченіе заключалось, мы увидимъ дальше.

Надо, говоря о самодержавіи, замѣтить, что самодержцы всегда волей неволей должны были по частямъ передовать свои самодержавныя права высшимъ чиновникамъ, дворянамъ и духовнымъ. Они могли держаться лишь при ихъ помощи, и очевидно должны были сквозь пальцы смотрѣть на всѣ злоупотребленія, которыя они могли совершать. Иначе они лишились бы ихъ поддержки.

Неудивительно, что всѣ эти чиновники и духовенство за свою преданность правителю заставили расплачиваться народъ и притомъ невѣроятною цѣною. Народъ работалъ до изнеможенія, не высыпаясь, болѣя отъ усилій и умирая не во-время; а высшіе классы занимались столько, сколько хотѣли, а остальное время благодушествовали въ средѣ своихъ семействъ. Народъ за свою работу буквально голодалъ, жилъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, не имѣлъ теплой одежды, а высшіе классы не знали предѣловъ въ роскоши. Часто одно блюдо у нихъ стоило столько, сколько нужно было цѣлой семьѣ крестьянской, чтобы хорошо прокормиться мѣсяцъ. За цѣну одной бутылки вина заморскаго можно бы цѣлый годъ поить ребенка молокомъ и спасти его жизнь. За цѣну одного помѣщичьяго бала можно бы цѣлую деревню сдѣлать на вѣкъ счастливой, а, когда эта самая деревня старалась въ окна посмотрѣть, какъ на балу веселятся господа, то ихъ отгоняли: куда, молъ, лѣзете? на конюшню что-ль захотѣли?

И это дѣлалось повсюду. Еще живы люди у насъ въ Россіи, которые видѣли, какъ пороли помѣщики на конюшняхъ; живы люди, которыхъ самихъ пороли. И пороли за пустякъ, ни за что, иногда до смерти, и всегда безнаказанно!

Помѣщики могли продавать на сторону кого хотѣли, отнимая на вѣкъ сына отъ отца, дочь отъ матери. Помѣщикъ могъ требовать къ себѣ любую дѣвушку съ деревни и это даже называлось „правомъ первой ночи“. Помѣщикъ налагалъ оброкъ какой хотѣлъ съ кого хотѣлъ. Помѣщики нѣкоторые отнимали у матерей грудныхъ младенцевъ и заставляли ихъ кормить борзыхъ щенятъ, чтобы здоровѣе были!

Но этого скажутъ нѣтъ уже въ Россіи даже, а за границей и подавно. Ой, подлинно ли нѣтъ? Правда крѣпостного права на бумагѣ давно уже нѣтъ. А на дѣлѣ?

На дѣлѣ и теперь помѣщикъ съ лавочникомъ и кулакомъ міроѣдомъ дѣлаютъ съ мужикомъ, что хотятъ. Земля нужна? Бери по двадцати, а то и по тридцати рублей! Это не тотъ же ли оброкъ въ другомъ видѣ? Работать ко мнѣ идешь—а не итти не можешь, ибо иначе съ голоду помрешь—получай пять рублей за полную обработку десятины, т. е. ты ее спашешь три раза, проборонуешь три раза, выполешь, скосишь, свяжешь, свозишь на гумно и сложишь въ скирды!

А теперь не принуждена мать посылать свою дочь къ развратному землевладѣльцу, чтобы не итти по міру? А теперь ты можешь жаловаться кому нибудь? Попробуй-ка и посидишь въ холодной, сколько пожелаютъ земскій съ становымъ. А много шумѣть станетъ село—и солдатъ позовутъ и перепорятъ честной народъ по старинному.

Итакъ, власть перешла понемногу всецѣло въ руки народныхъ правителей: царей, королей, султановъ, фараоновъ и прочихъ. Въ разныхъ странахъ они называются различно. Власть была полная,

самодержавная, безграничная. Правители сами говорили, что эта власть отъ самаго бога, и мало по малу стали ее слишкомъ круто проявлять надъ самими тѣми сословіями, на которыя опирались, и съ помощью которыхъ добились власти.

Они такъ о себѣ возмнили, что начали утверждать на словахъ, да и проявлять на дѣлѣ, что никакой разницы между ихъ подданными нѣтъ, и что со всякимъ они могутъ расправиться какъ хотятъ. „Дворянинъ у меня въ государствѣ“—говорилъ одинъ правитель—„тотъ, съ кѣмъ я говорю, и то пока я съ нимъ говорю“!

Понятно, что высшіе классы были недовольны такимъ отношеніемъ къ себѣ правителей и начали громко проявлять это неудовольствіе. Прежде всего, конечно, возставало дворянство. Такъ въ Англіи уже давно, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, дворяне составили заговоръ противъ короля, взяли его въ плѣнъ и заставили подписать бумагу, по которой онъ навсегда отказывается отъ самодержавія и власть будетъ дѣлить съ ними, дворянами. Такъ кончилось тамъ самодержавіе, но народу отъ этого сразу стало не легче, ибо непосредственно распоряжались тогимъ тѣ же дворяне, и мучили народъ по прежнему.

Главное конечно орудіе власти—это казна, деньги. Поэтому первое ограниченіе власти правителей касалось казны. Вся денежная часть государства, налоги разные, доходныя статьи, а также расходы—всѣмъ этимъ ужъ они распоряжаться одни не могли, а должны были смѣту за годъ, или, какъ эту смѣту называютъ, „бюджетъ“, провести черезъ „палату“. Въ палатѣ же засѣдали тѣ самые дворяне, которые забрали себѣ власть.

Второе сословіе, которое тоже потребовало себѣ правъ—было духовенство. Имъ то уже вовсе было обидно, когда правители съ ними дурно обращались. Они же все время заставляли народъ, запугивая его адомъ и вѣчными страданіями, не только ис-

полнять безпрекословно самую дикую и жестокую волю правителей, но еще молиться за своихъ мучителей. И вдругъ правители и надъ ними захотѣли проявить свою власть. Но съ духовенствомъ дѣло всегда улаживалось болѣе или менѣе мирно. Духовные хитры и умѣли добиться чего хотѣли безъ скандаловъ.

Про чиновничество и войско говорить нечего, ибо высшіе чиновники и высшіе военачальники были всегда изъ числа дворянъ, а низшіе чиновники и солдаты всегда должны были подчиняться начальникамъ. Солдатъ особенно держали и держатъ новѣроятной строгостью и требуютъ отъ нихъ слѣпого повиновенія, которое называется „дисциплиной“. Поэтому спеціальныхъ правъ себѣ ни чиновники, ни войска не требовали. Высшимъ было хорошо, когда хорошо было дворянству, низшихъ держали насиліемъ, какъ держали насиліемъ весь народъ.

Не такъ дѣло обошлось съ „буржуазіей“, т. е. съ классомъ, который своими руками не работалъ, но извлекалъ выгоду отъ того, что, имѣя деньги, заставлялъ народъ работать на себя. Таковы были землевладѣльцы, купцы, подрядчики, позже фабриканты — все люди не работающіе, а доходы получающіе.

Дворяне на купцовъ всегда смотрѣли да и теперь смотрятъ съ презрѣніемъ. Себя они считаютъ благородными, а купца, какъ бы онъ богатъ ни былъ, они въ душѣ презираютъ, хотя занимаютъ у него деньги, часто безъ отдачи.

Правители могли себя унизить до переговоровъ съ дворянствомъ, ну, куда ни шло, съ духовенствомъ—все таки на немъ особая благодать Божія,— но съ мѣщанской буржуазіей они и разговаривать не пожелали. Поэтому по мѣрѣ того, какъ правительство дѣлило власть съ дворянствомъ и духовенствомъ, которыя называли себя первымъ и вторымъ сословіемъ, мѣщанство или буржуазія становилось

болѣе и болѣе недовольнымъ. Ему мало было денегъ,—оно хотѣло и власти.

Народы, т. е. трудящееся большинство государствъ, хотя и были многочисленны, но открыто возстать противъ правительства никогда не умѣли и не могли. Рукъ-то было много, но не хватало двухъ вещей: науки, т. е. знанія, и денегъ. Вѣдь голыми руками, какъ бы ихъ много ни было, войскъ нельзя было побѣдить. Нужно было оружіе, а для этого нужны были деньги. Затѣмъ необходимо было сговориться, а гдѣ могли сговориться люди, живущіе на тысячи верстъ другъ отъ друга, и притомъ безграмотные или малограмотные? Нужно было, чтобы у народа были руководители, которые бы съумѣли сплотить его въ одно цѣлое. Для этого нужны были люди ученые и вмѣстѣ съ тѣмъ преданные народу.

Когда мѣщанство, обиженное правительствомъ и дворянствомъ, перешло на сторону народа, стала возможна „революція“, т. е. открытое возстаніе народа противъ правительства. Часто такія революціи подавлялись войскомъ, но иногда народу удавалось взять верхъ. Такъ было въ знаменитую французскую революцію въ концѣ восемнадцатаго вѣка.

Но въ случаѣ побѣды не сразу удавалось освободиться народамъ. Такъ во Франціи дворянство и духовенство сто лѣтъ боролись съ народомъ, выбирая то одного, то другого императора или короля. Только недавно, лѣтъ тридцать тому назадъ, удалось французскому народу окончательно установить у себя „республику“, т. е. такое государство, гдѣ главный правитель, президентъ республики, выбирается народомъ изъ числа гражданъ на извѣстный срокъ. Теперь президентомъ Фалльеръ сынъ простого крестьянина.

Такія республики еще учредились въ Швейцаріи и въ разныхъ государствахъ Америки. Наслѣдственныхъ царей тамъ тоже нѣтъ, а президентовъ

выбираютъ на срокъ. Понятно, что въ такихъ государствахъ дворянство уже никакой роли не играетъ; и никто и не спрашиваетъ дворянинъ ты или нѣтъ.

Но въ большинствѣ европейскихъ государствъ дѣло обстоитъ иначе. Въ Германіи, Австріи, Италіи и другихъ, остались по прежнему наслѣдственные правители. Но они уже не самодержавны какъ ихъ дѣды; нѣтъ, ихъ власть „ограничена“ выборными палатами.

Революціи въ этихъ государствахъ не были такъ рѣшительны, какъ во Франціи; и не было такихъ скачковъ вверхъ и внизъ, отъ короля къ республикѣ, потомъ назадъ къ императору, и опять къ королю, и опять къ республикѣ, опять къ императору—такъ не было; а правители въ этихъ странахъ, какъ начиналась революція, спѣшили уступить и давали народу выбирать палату, которая ограничивала власть правителя, главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ не могъ издавать никакихъ новыхъ законовъ безъ палаты и не могъ безъ нея ни собирать ни расходовать деньги.

Палата же состояла не изъ дворянъ, какъ старинная палата въ Англіи, а изъ выборныхъ народомъ. Только выбирать давали не всему народу, а лишь тѣмъ, которые удовлетворяли нѣкоторымъ условіямъ, при чемъ въ разныхъ странахъ условія были различны. Въ однихъ требовалось, чтобы выбирать, а тѣмъ болѣе, чтобы быть выбираемымъ, опредѣленное имущественное состояніе (иногда требовалось значительное богатство); въ другихъ требовалось нѣкоторое образованіе; въ третьихъ, чтобы избиратель былъ мѣстнымъ старожилой, т. е. чтобы прожилъ на одномъ мѣстѣ нѣскокько лѣтъ.

Такимъ образомъ власть опять таки переходила не ко всему народу, а лишь къ нѣкоторымъ избраннымъ. Правительство боялось, что народъ весь получивъ право избранія депутатовъ, потребуетъ, чтобы самъ правитель и приближенное къ

нему правительство ушли и были замѣнены выборными. Съ богатыми же людьми они еще надѣялись спѣться. Такъ и случилось: привлекши на свою сторону богатыхъ и образованныхъ людей, они отнимали у народа капиталъ и знаніе, т. е. лишали его возможности дальше бороться.

Но это помогало только на время: образованіе неудержимо распространялось въ народахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ получалъ возможность добиться дальнѣйшихъ уступокъ. Иногда правительство, видя, что народъ твердо хочетъ себѣ правъ, шло на встрѣчу его желаніямъ и уменьшало цензъ для выборовъ, то есть для права избирать и быть избираемымъ въ палату, требовало наличности меньшаго богатства. Мы говоримъ только объ этомъ цензѣ, ибо онъ самый важный: правительства вообще боятся бѣдныхъ, а съ богатыми всегда умѣли сговориться.

Такъ шло дальше, пока народъ не получалъ „всеобщаго“ избирательнаго права, при которомъ всякій человѣкъ, даже самый бѣдный участвовалъ въ выборахъ депутатовъ въ палату. Только при этомъ условіи можно было утверждать, что палата или, какъ она называется „парламентъ“, является представительницей не одного буржуазнаго или богатаго класса, но всего народа: въ томъ числѣ и работающей бѣдноты.

Теперь весь міръ занятъ болѣе или менѣе исключительно разрѣшеніемъ вопроса: въ чьихъ рукахъ имѣетъ быть власть? Въ этомъ отношеніи всѣ государства раздѣляются на три главныя группы:

1) государства самодержавныя,
2) государства монархическія ограниченныя,
3) республики.

Самодержавныхъ государствъ немного: Турція, Персія, Китай, Авганистанъ и Абиссинія—больше нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Это самыя еще дикія государства. Тутъ правители дѣлаютъ что хотятъ: вѣ-

шаютъ кого хотятъ, возвышаютъ по произволу— словомъ распоряжаются своими подданными какъ пѣшками.

Республикъ сравнительно тоже немного: двѣ большихъ, Франція и Соединенные Штаты Америки и десятка полтора маленькихъ. Здѣсь наслѣдственныхъ правителей нѣтъ, а есть выборные и смѣнные „президенты“ республикъ. Страны управляются парламентами, т. е. палатами, избранными всѣмъ народомъ при посредствѣ всеобщей подачи голосовъ.

Большинство государствъ на свѣтѣ представляютъ изъ себя „ограниченныя монархіи“. Въ нихъ еще продолжаютъ существовать наслѣдственные монархи, правители, но власть ихъ уже не та, что въ самодержавныхъ государствахъ. Парламенты при нихъ различные. Въ однѣхъ участвуютъ представители выбранные всеобщимъ голосованіемъ, въ другихъ представители выбраны сравнительно небольшимъ числомъ состоятельныхъ людей буржуазнаго класса.

Но не въ этомъ еще главная разница между парламентарнымъ устройствомъ различныхъ государствъ. Важенъ не только вопросъ о томъ, кто является избирателемъ, а важны всѣ вмѣстѣ взятые „основные законы“ государства, точно опредѣляющіе всѣ права и обязанности правителей, парламентовъ и народовъ. Всѣ эти основные законы, вмѣстѣ взятые, называются „конституціей“ государства.

Конституціи у разныхъ государствъ весьма различны, независимо отъ того, изъ кого состоитъ парламентъ. У парламента двѣ обязанности:

1) Обсуждать всѣ новые законы. Безъ утвержденія парламента, ни одинъ законъ не можетъ быть введенъ въ государствѣ.

2) Обсуждать и утверждать смѣты доходовъ и расходовъ государства и наблюдать, чтобы помимо этихъ смѣтъ ничего не собиралось съ народа и ничего не расходовалось.

Таковы обязанности парламента. Но на правительствѣ, т. е. на министрахъ и ихъ всѣхъ чиновникахъ лежитъ обязанность исполнять одобренные парламентомъ законы, собирать и расходовать деньги. Министры могутъ это дѣлать хорошо и плохо, согласно съ волей парламента или несогласно съ ней, при чемъ они могутъ мирволить тѣмъ или другимъ классамъ населенія, а то и тѣмъ или другимъ лицамъ

Теперь спрашивается, имѣетъ ли парламентъ право смѣстить министровъ, если они, по его мнѣнію, не такъ исполняютъ законы, какъ хочетъ парламентъ. Вотъ тутъ-то и заключается главное различіе между конституціями.

По однимъ конституціямъ министры зависятъ отъ парламента, отвѣчаютъ за свои дѣйствія передъ нимъ. Поэтому если парламентъ выразитъ министрамъ свое неодобреніе, то они немедленно выходятъ въ отставку и назначаются новые. Такіе министры называются „отвѣтственными“ передъ палатой.

По другимъ конституціямъ министры отвѣтственны только передъ верховной властью. Парламентъ можетъ быть сколько угодно недоволенъ, но министры уходятъ и назначаются только по желанію верховной власти. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ правомъ голоса при выборахъ въ парламентъ пользуется весь народъ, т. е. гдѣ есть всеобщая подача голосовъ, министры всетаки отвѣтственны не передъ парламентомъ, а передъ правителемъ. Такъ въ Германіи. Такъ даже въ республикѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выбранный на срокъ (на 4 года) президентъ имѣетъ гораздо больше правъ нежели, напримѣръ король англійскій, гдѣ парламентъ выбирается не всѣмъ народомъ, а лишь состоятельнымъ буржуазнымъ классомъ. Поэтому въ конституціи важно не только то, весь ли народъ участвуетъ въ выборахъ въ парламентъ, или часть его болѣе обез-

печенная, но и отвѣтственность министровъ передъ палатой или передъ верховной властью.

Наконецъ еще одинъ тормазъ придумали правительства для народа. Представители народные могутъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ легкомысленно отнестись къ какому-нибудь дѣлу; а поэтому опасно отдать власть въ руки одной палатѣ ихъ представителей, и устроили систему „двухъ палатъ“. Нижняя палата выбирается всѣмъ народомъ, или частью его, конечно буржуазной, согласно закона страны; и еще кромѣ того дѣйствуетъ верхняя палата, которая выбирается по другимъ законамъ и куда выборы производятся гораздо болѣе узкимъ числомъ лицъ, чѣмъ въ нижнюю палату. Кое-гдѣ въ верхней палатѣ засѣдаютъ одни дворяне. Кое-гдѣ туда назначается часть членовъ прямо безъ выбора, правителемъ.

И вотъ всякій законъ, всякая смѣта должны пройти черезъ обѣ палаты. Нижняя проводитъ, а верхняя нѣтъ. Ясно, что желаніе народное въ жизнь пройти не можетъ. Поэтому часто происходитъ борьба между двумя палатами, причемъ нижняя ратуетъ за народныя права, а верхняя за правительственныя. Взаимныя отношенія двухъ палатъ и значеніе каждой изъ нихъ для жизни народной—весьма различны въ различныхъ странахъ.

Къ конституціи или къ основнымъ законамъ относятся еще тѣ законы, которые обезпечиваютъ всѣмъ гражданамъ государства различныя свободы. Но не надо думать, что, когда граждане требуютъ свободы, то эта свобода означаетъ распущенность, возможность безобразничать, пьянымъ шумѣть безъ толку на улицахъ, а тѣмъ болѣе красть или убивать. Наоборотъ во всякомъ государствѣ долженъ быть законъ, который ограждалъ бы гражданъ отъ хулигановъ, отъ воровъ, отъ убійцъ. Когда же хотятъ свободы, то это озна-

чаетъ нѣкоторыя права, которыхъ лишены граждане въ государствахъ самодержавныхъ.

1) Свобода или неприкосновенность личности и жилища. Это значитъ, что ни одинъ человѣкъ не долженъ быть арестованъ ни на одинъ часъ иначе, какъ по постановленію гласнаго суда. Не то, что какъ у насъ, гдѣ изъ за каприза, крестьянина можетъ посадить любой староста, старшина, земскій или становой. Или не то, что какъ у насъ, цѣлыми годами люди сидятъ въ тюрьмахъ или проводятъ въ ссылкѣ и на каторгѣ безъ суда, а по распоряженію губернатора или министра; да еще за то, что говорилъ про нихъ правду и отстаивалъ народныя права и народные гроши.

Помимо суда никто не долженъ имѣть права насильно войти въ чужой домъ или квартиру. А у насъ любой полицейскій врывается въ домъ, все разбрасываетъ, письма самыя секретныя отбираетъ, читаетъ. И все это когда угодно и совершенно безнаказанно.

2) Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Вѣрить такъ или иначе или вовсе не вѣрить дѣло совѣсти всякаго человѣка. Насильно вѣрить нельзя. Поэтому всякій человѣкъ долженъ имѣть право переходить изъ одной вѣры въ другую, жениться на женщинѣ другой вѣры, воспитывать дѣтей тоже въ той или другой вѣрѣ. Наконецъ полными правами должны пользоваться всѣ граждане государства, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали.

3) Свобода слова и печати. Всякій человѣкъ долженъ имѣть право публично, громко говорить что хочетъ; что хочетъ писать, печатать въ газетахъ и книгахъ. А у насъ когда другъ съ другомъ говорили и то осматривались, не подслушиваетъ ли кто. А о писанье въ газетахъ и говорить нечего: не то что про министра или князя, но и про станового писать не позволялось. И вотъ почему у насъ казну раскрадываютъ; вотъ почему всякія безобразія сходятъ съ рукъ; вотъ почему

японцы насъ побили со срамомъ. Въ потемкахъ всякая гадость дѣлается. А у насъ — вѣчныя потемки, вѣчное молчаніе.

4) Свобода союзовъ, собраній, стачекъ. У насъ учителямъ нельзя было собираться разъ въ годъ въ губернскомъ городѣ поговорить объ ученіи безъ надзора разныхъ инспекторовъ и директоровъ. Да что учителя! Священники не могли собраться безъ особаго благословенія архіерея! Между тѣмъ всѣ, кто пожелаетъ, долженъ имѣть право собираться когда хотятъ, обсуждать свои дѣла, соединяться въ „союзы“, устраиваться, чтобы лучше жилось, а въ случаѣ надобности объявлять „стачки“. Взять хоть бы крестьянъ. Кто изъ нихъ не выжималъ послѣднихъ грошей? И ничего они сдѣлать не могутъ по одиночкѣ. Между тѣмъ будь у нихъ право союзовъ и стачекъ, они бы сообща обсудили бы напримѣръ такое дѣло: что извѣстный помѣщикъ ихъ обижаетъ, назначаетъ безбожныя цѣны за аренду и наоборотъ безобразно низкія за работу, что ихъ обсчитываетъ, ругается — вѣдь много такихъ—собрались бы они и рѣшили: наказать его и хлѣба въ годъ хорошаго урожая не убрать. Хлѣбъ бы высыпался... и помѣщикъ сталъ бы шелковый. Да не въ одномъ только селѣ должно быть право союзовъ и стачекъ, а въ цѣлой волости, уѣздѣ, губерніи, по всей Россіи... словомъ какъ хотятъ. Тогда въ нашемъ примѣрѣ и дальніе крестьяне не могли бы придти убрать хлѣбъ злого помѣщика. А у насъ сходъ-то можетъ созываться только при старостѣ, старшинѣ или земскомъ. Да попробуй-ка на сходѣ заговорить объ обидахъ помѣщичьихъ, живо попадешь въ холодную, а то и въ уѣздную тюрьму.

Такъ вотъ народы давно требуютъ себѣ всѣхъ этихъ свободъ, а правительства, хотя бы съ ограниченною парламентами властью уступаютъ по немногу, когда видятъ, что народъ сталъ требо-

вать очень настойчиво, и что возможно возмущеніе.

Въ основныхъ законахъ о парламентѣ и о свободахъ народныхъ заключается вся конституція. Въ томъ, даетъ ли конституція больше правъ народу, а меньше правительству или наоборотъ права народные не велики и заключается все дѣло. Изъ за этого, столѣтія борются народы съ своими правительствами. Права, которыя народъ имѣетъ по конституціи, называютъ правами „политическими"; борьбу изъ-за нихъ — борьбой или „революціей политической". Мы скоро увидимъ, что есть другія права, другая борьба еще болѣе важныя для народа.

И вотъ идетъ борьба столѣтія изъ-за этихъ политическихъ правъ. Кажется и задумываться бы нечего, что надъ народомъ никто не долженъ имѣть власти, кромѣ самого же народа, что отъ народа и его представителей должны зависѣть министры и чиновники, что въ парламентѣ должны засѣдать представители всего народа, а не богатыхъ только людей, что всѣми свободами народъ весь долженъ пользоваться въ полной мѣрѣ. Да! все это ясно, а между тѣмъ правительства съ своими помощниками — дворянствомъ, духовенствомъ, войскомъ, чиновничествомъ и богатой буржуазіей, до сихъ поръ еще держатъ народы въ гнетѣ...

Когда конституція даетъ много правъ народу, то она называется „демократическою". „Демократія" значитъ народовластіе. Такъ наиболѣе демократическою формою правленія является республика съ выборнымъ на срокъ президентомъ. Монархія тѣмъ демократичнѣе, чѣмъ больше власть народа и чѣмъ, слѣдовательно, меньше власть правителя. А выражается власть народа въ томъ, чтобы выбирали депутатовъ въ палату, какъ можно большее число людей, причемъ самые демократическіе выборы будутъ тѣ, въ которыхъ участву-

ютъ всѣ безъ исключенія граждане государства. Демократическій строй государства требуетъ, конечно, чтобы министры зависѣли не отъ правителя, а отъ народныхъ представителей. Система двухъ палатъ противорѣчитъ истинной демократіи, ибо верхняя палата тормозитъ волю нижней палаты, т. е. представителей народа. Наконецъ всѣ свободы въ демократическомъ государствѣ должны быть достояніемъ каждаго гражданина и притомъ въ полной мѣрѣ. Эта-то полная свобода всѣхъ — и есть главная цѣль конституціи.

Мы, говоря о различныхъ правахъ народовъ, указывали кое на какія иностранныя государства, но про Россію мы умолчали и умолчали нарочно. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время невозможно подвести ее подъ тотъ или другой разрядъ государствъ. Она находится въ состояніи переходномъ, революціонномъ. Въ ней теперь совершается внутренній переворотъ и до какой степени этотъ переворотъ будетъ глубокъ мы еще не знаемъ, ибо русскій народъ выставилъ еще больше требованій, нежели ихъ предъявлялось при прежнихъ революціяхъ за границей.

Жизнь въ Россіи, если посмотрѣть на нее съ точки зрѣнія правительства, идетъ какъ бы по старому, т. е. по самодержавному. По прежнему чѣмъ разобрать, чего хочетъ народъ, его разгоняютъ нагайками казацкими, да пулями; по прежнему полны тюрьмы людей, которыхъ туда сажаютъ безъ суда, по прежнему произволъ земскихъ начальниковъ, становыхъ, губернаторовъ; по прежнему царь — все, а народъ ничего. Съ этой стороны у насъ полное, настоящее прежнее самодержавіе.

На бумагѣ у насъ уже не то. 17 октября 1905 года изданъ манифестъ. Въ немъ обѣщана „дума“, т. е. парламентъ съ представителями всего народа. Кромѣ того объявлены царемъ свободы: слова, совѣсти, союзовъ и неприкосновенности лич-

ности. Словомъ объявлена полная конституція. На бумагѣ Россія называется конституціонной монархіей. А на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ... Даже и не похоже на конституцію...

Наконецъ народъ, если еще и не весь, то по крайней мѣрѣ сознательная часть его требуетъ полной демократической конституціи, съ тѣмъ, чтобы онъ весь избиралъ своихъ депутатовъ или выборныхъ въ парламентъ, т. е. полнаго народовластія и полной свободы. Многіе же въ Россіи— и съ каждымъ днемъ больше — приходятъ къ заключенію, что возможно это будетъ лишь при „демократической реснубликѣ".

Столѣтія длится политическая борьба народовъ съ правительствами и съ поддерживающими эти правительства высшими классами. Многое уже въ нѣкоторыхъ странахъ достигнуто. Нѣкоторыя государства, какъ напримѣръ французская республика, могутъ быть названы вполнѣ демократическими: народъ весь участвуетъ въ выборахъ; министры отвѣтственны передъ палатой; президентъ республики имѣетъ весьма малое значеніе; политическія свободы существуютъ для всѣхъ гражданъ: говорите, пишите, что хотите; собирайтесь, устрайвайте стачки. Словомъ демократія полная.

Если мы сравнимъ жизнь народную въ такой республикѣ съ жизнью въ конституціонной монархіи или даже въ самодержавномъ государствѣ, то очень скоро замѣтимъ, что разница уже не такъ велика. Конечно жилище и личность въ республикѣ обезпечены, свобода говорить, писать, собираться никѣмъ не оспаривается, но французскому рабочему и теперь жизнь не сладка. Въ чемъ же дѣло?

Дѣло въ томъ, что хотя рабочій такой же гражданинъ, какъ и любой банкиръ или министръ, но все-таки онъ долженъ гнуть спину передъ хозяиномъ фабрики, на которой онъ работаетъ, передъ его женой, дѣтьми, родными, знакомыми. Онъ долженъ кланяться директору фабрики, и

священнику, и мастеру; онъ всѣмъ имъ долженъ оказывать мелкія услуги и всячески подличать передъ ними. Иначе его будутъ преслѣдовать, а то и вовсе прогонятъ. Тоже болѣе или менѣе происходитъ и въ другихъ странахъ повидимому менѣе демократическихъ.

Въ чемъ же дѣло? Вѣдь онъ свободенъ? Свободенъ говорить, писать что хочетъ?

Все это такъ! Но дѣло въ томъ, что хозяинъ, а то и директоръ, а то и простой мастеръ могутъ его уволить съ фабрики и никто не можетъ за него заступиться: ни министръ, ни депутатъ парламента. И вотъ поневолѣ приходится рабочему подчиняться не только въ дѣлѣ, но и во всемъ остальномъ, молча присутствуя иногда при томъ, какъ какой-нибудь шелопай изъ хозяевъ ухаживаетъ за его дочерью, конечно съ самыми гнусными намѣреніями. Видишь — и молчишь; молчишь ради жены и остальныхъ дѣтей, чтобы не умерли съ голоду.

А попробуй-ка рабочій или другой зависимый отъ богачей бѣдный человѣкъ воспользоваться своей политической свободой, чтобы обратить вниманіе общества или, если нужно, закона на дѣйствія его притѣснителей! Попробуй онъ написать про это въ газетахъ, или сходить на собраніе и громко разсказать про свое горе... и его несомнѣнно ждетъ одно — быть съ семьей выброшеннымъ на улицу безъ куска хлѣба.

По закону весь народъ имѣетъ право выбирать депутатовъ въ парламентъ; а на дѣлѣ это право многимъ недоступно. Есть у богатаго человѣка служащіе. И не хочетъ онъ, чтобы они участвовали въ выборахъ, потому что знаетъ, что они подадутъ голосъ за депутата, который будетъ отстаивать права бѣдныхъ — и вотъ стоитъ ему запретить имъ идти на выборы (а вѣдь день и часъ выборовъ — опредѣленный), чтобы они не пошли, чтобы не потерять мѣста.

На фабрикахъ фабриканты въ день выборовъ нарочно высылаютъ куда-нибудь какъ-будто по дѣлу самыхъ вліятельныхъ между рабочими, самыхъ умныхъ, чтобы они не могли голосовать.

И вотъ этимъ рабочимъ, служащимъ, и всей этой бѣднотѣ начальство говоритъ: вы свободны— выбирайте кого хотите, говорите, пишите, жалуйтесь — васъ никто пальцемъ не тронетъ! И дѣйствительно ихъ не трогаютъ, только мѣсто они потеряютъ и будутъ нищими!

Выходитъ такъ: правительство, начальство надъ ними власть потеряли; но власть эту подобрали другими путями фабриканты, хозяева, помѣщики и другіе богачи. Политическая свобода — полная, но зато нѣтъ свободы „экономической“. Наоборотъ, гнетъ „экономическій“, гнетъ капитала такъ же тяжелъ, а можетъ быть еще тяжелѣе, чѣмъ былъ прежде.

Прекрасно это видно на русскомъ крестьянинѣ. Не нужно помѣщику, если онъ не хочетъ, обращаться къ начальству, къ полиціи, къ суду, если онъ недоволенъ крестьянами. Онъ и безъ начальства можетъ ихъ въ турій рогъ согнуть. Вѣдь извѣстны отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Недалеки они отъ временъ крѣпостного права.

Цѣну на аренду помѣщикъ назначаетъ какую хочетъ высокую — и мужикъ вынужденъ платить; наоборотъ цѣны на работы назначаются опять же помѣщикомъ чрезвычайно низкими; ухожи никуда негодныя, солому старую, всякую бездѣлицу, всякую дрянь, золу изъ овина бабамъ на стирку — все помѣщикъ продаетъ въ десять разъ дороже цѣны, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ.

Но этого мало. На это вамъ отвѣчаютъ: крестьянинъ свободенъ. Хочетъ—арендуй землю, иди въ батраки или работать сдѣльно къ помѣщику, снимай ухожи, покупай солому, золу; не хочетъ—

не покупай! воля его. Хотя тутъ не воля его, а самая горькая неволя. Но пусть такъ по закону.

А ростовщичествовать помѣщику можно? А кто изъ помѣщиковъ не ростовщикъ? Кто не даетъ денегъ крестьянамъ осенью на подати подъ работу, при чемъ рубль дается за работу, которая стоитъ два рубля? У кого изъ помѣщиковъ крестьянинъ не выходитъ изъ вѣчной кабалы, пользуясь которой помѣщикъ все больше и больше его затягиваетъ?

А штрафовать помѣщику можно безъ суда за всякую малость: за лошадь, выбѣжавшую на паръ, за сломанныя нечаянно старыя вилы, за попорченный конечно тоже нечаянно хомутъ?

А установлять свои законы, можно помѣщику? Здѣсь ходи, тамъ не ходи, шапку снимай, когда проходишь за полъ-версты отъ дому — это все полагается?

По закону-то это все можетъ быть и не полагается, а на дѣлѣ возможно и есть. Значитъ законъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ. И вотъ эта-то самая жизнь и привела къ царству капитала! Правители, цари, чиновники, священники, войска, — всѣ они отошли въ человѣческихъ ежедневныхъ отношеніяхъ какъ бы на второй планъ— главное: гнетъ капиталиста, помѣщика, фабриканта.

И если мы посмотримъ на страны, гдѣ наибольшая политическая свобода, то увидимъ, что гнетъ капитала тамъ почти также невыносимъ, какъ и въ странахъ, гдѣ свобода политическая менѣе полна. Мы говоримъ „почти“ потому, что разница все-таки есть.

Въ странахъ, гдѣ нѣтъ политической свободы, нѣтъ равенства между людьми, тамъ капиталистъ не будетъ даже самъ расправляться съ бѣднякомъ, а обратится къ полиціи или суду. И они уже за него расправятся, потому что, какъ мы уже

видѣли, власть всегда на сторонѣ богачей, и иначе быть не можетъ.

Въ странахъ же свободныхъ власть не вмѣшивается въ имущественныя отношенія; и капиталистъ расправляется своими средствами; а это средство одно — пустить человѣка по міру.

Такимъ образомъ политическая свобода даетъ полное удовлетвореніе буржуазнымъ классамъ населенія, которые или живутъ получаемымъ доходомъ отъ своего имущества, или имѣютъ исключительно большой заработокъ благодаря серіозному спеціальному образованію, какъ напримѣръ врачи, инженеры, адвокаты. Другое дѣло—фабричные рабочіе, не имѣющіе даже инструментовъ, которыми они работаютъ (такихъ рабочихъ называютъ — „пролетаріями“, а весь классъ ихъ „пролетаріатомъ“), или наши крестьяне, которыхъ каторжная работа не въ состояніи прокормить совсѣми ихъ семействами. Для нихъ и для всякой прочей бѣдноты политическая свобода необходима, но еще полной возможности жить по — человѣчески не даетъ. Ихъ давитъ денежный, хозяйственный или — какъ говорятъ — экономическій гнетъ буржуазныхъ классовъ. Это не значитъ, что политическая свобода имъ не важна, или не нужна. Наоборотъ. Помимо того, что рабочій отъ хозяина и крестьянинъ отъ помѣщика не можетъ ожидать ни лишенія свободы, ни физическихъ истязаній (за физическія истязанія въ свободной странѣ и капиталистъ отвѣчаетъ по закону) ему нечего ихъ бояться и отъ различнаго начальства. Сколько русскій людъ натерпѣлся отъ побоевъ урядниковъ и городовыхъ, отъ арестантскихъ клоповниковъ при волостныхъ правленіяхъ и при участкахъ — онъ одинъ знаетъ несчастный! Онъ же скажетъ, какъ на Руси легко добиться правды въ судахъ, будь то судъ волостной или земскаго начальника! Кому какъ не ему страдать отъ законовъ русскихъ, по которымъ дворянинъ — полноправный

человѣкъ, а крестьянинъ и переѣхать-то изъ села въ село не можетъ безъ разрѣшенія начальства!

Всего этого въ свободной странѣ быть не можетъ, и потому уже необходимо добиваться политической свободы тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Но есть при этомъ и другое соображеніе. При политической свободѣ есть кое какая возможность добиваться и экономическаго освобожденія трудящихся классовъ отъ капиталистовъ. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ политической свободы, тамъ и думать нечего объ облегченіи экономическаго гнета.

Пояснимъ это. Фабрикантъ страшно давить рабочихъ своей фабрики: мало платитъ, изнуряетъ работой, мучаетъ штрафами и вычетами, выбрасываетъ на произволъ судьбы заболѣвшихъ и получившихъ увѣчья. Что можетъ сдѣлать одинъ рабочій, какъ бы тотъ его ни обидѣлъ? ровно ничего!

Но вообразите, что всѣ рабочіе сговорились между собой забастовать или уйти. Фабриканту это убыточно, и онъ идетъ на уступки. Но, чтобы сговориться, надо собраться и говорить на собраніи. Слѣдовательно нужна свобода собраній и свобода слова. Чтобы рабочіе пришли въ сознаніе, что имъ не надо подчиняться всякимъ несправедливостямъ фабриканта, надо чтобы они образовались, читая хорошія книжки; а для этого надо имѣть свободу печати. Наконецъ, чтобы всѣмъ заразъ забастовать, надо, чтобы забастовщиковъ не перестрѣляли и не пересажали по тюрьмамъ, т. е. чтобы была свобода стачекъ.

Итакъ, мы видимъ, что для того, чтобы трудящіеся классы могли бороться съ капитализмомъ, надо прежде всего, чтобы въ странѣ была политическая свобода. Это основаніе, безъ котораго не можетъ быть построено зданіе истинной свободы и народнаго счастья.

Всѣ бывшія доселѣ въ другихъ странахъ революціи другихъ результатовъ, кромѣ пріобрѣтенія политической свободы, не имѣли. Трудящіеся

классы шли въ борьбѣ противъ правительства рука объ руку съ буржуазіей. Когда правительство уступало и давало болѣе или менѣе демократическую конституцію, буржуазія и помѣщики получали полную свободу и, давя на рабочихъ и крестьянъ силою своего капитала, изъ болѣе или менѣе притѣсненныхъ сами дѣлались притѣснителями народа. Выходило такъ, что тотъ народъ, который больше другихъ проливалъ свою кровь, оказывается, страдалъ и трудился не для себя, а для буржуазіи, и что поэтому ему не зачѣмъ было приносить столько жертвъ.

Такой взглядъ не вѣренъ, ибо, какъ мы видѣли, безъ основанія политической свободы, не можетъ быть построено зданіе народной самостоятельности въ его отношеніяхъ къ экономическимъ его притѣснителямъ. Можетъ быть народы и могли бы достигнуть пролитою кровью большихъ для себя результатовъ, но они этого къ сожалѣнію для нихъ не съумѣли.

Россія находится въ самомъ разгарѣ борьбы. Поэтому особенно для русскаго народа важно хорошенько обдумать свое положеніе и по возможности избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы въ другихъ странахъ.

Прежде всего казалось бы, почему не могутъ устроиться у себя тѣ народы, которые имѣютъ демократическую конституцію? Свобода полная; выборы законные, безъ насилія; при этомъ большинство голосовъ во время выборовъ, конечно, принадлежитъ къ притѣсняемымъ трудящимся массамъ; слѣдовательно и большинство парламентскихъ депутатовъ ими же, а не кѣмъ инымъ присланы въ качествѣ народныхъ представителей; чего же бы стоило поэтому народу послать въ парламентъ отъ себя такихъ людей, которые бы и законы составили болѣе справедливые по отношенію къ народной бѣднотѣ, т. е. къ громадному большинству населенія? Могъ бы законъ запретить фабри-

канту изнурять рабочихъ работой и заставить его обезпечивать стариковъ и увѣчныхъ, платить рабочимъ жалованье, которое бы позволяло имъ не умирать съ голоду. Могъ бы законъ запретить помѣщикамъ назначать ростовщическія цѣны за землю, за ухожи, за солому, да еще отдачей подъ работу денегъ осенью закабалять крестьянъ непосильной работой. Почему же парламенты этого не дѣлаютъ? Почему конституція—то можетъ быть и демократической, а парламенты и законы-то все-таки буржуазные?

Одну причину этого мы уже видѣли. Это то, что капиталисты не позволяютъ многимъ рабочимъ голосовать и не позволяютъ самымъ дѣльнымъ изъ нихъ пользоваться той политической свободой, которою они обладаютъ по закону: не позволяютъ говорить, учить своихъ товарищей и т. д. Но эта причина еще не такъ существенна. Вѣдь законъ не посадитъ въ тюрьму рабочаго за то, что онъ пошелъ голосовать, хотя бы противъ воли хозяина—на это есть свобода! И повидимому стоитъ всѣмъ рабочимъ и крестьянамъ сговориться, пойти голосовать, выбрать хорошихъ людей и дѣло готово! Всѣхъ хозяинъ не прогонитъ, а если бы и прогналъ, то черезъ мѣсяцъ, два — парламентъ могъ бы вынести желаемые законы.

Почему же этого не дѣлается?

А потому, что бѣдные люди сами еще не сговорились между собою. Богатые классы всю науку приберегли для себя. Гимназіи, высшія учебныя заведенія — для кого? для помѣщиковъ, чиновниковъ и прочихъ народныхъ угнетателей. Рѣдко, рѣдко туда попадаетъ бѣднякъ изъ народа. Попробуй-ка бѣдный крестьянинъ отдать сына или дочь въ гимназію, даже если ребенокъ выдѣляется своими способностями! Что ему скажутъ?

И это не только у насъ.—И за границею, гдѣ науки гораздо больше, чѣмъ у насъ, чтобы учиться до конца нужны средства! Нигдѣ такъ не устроено,

что казна обучаетъ даромъ, ну если не всѣхъ — это было бы слишкомъ дорого—то хотя бы самыхъ способныхъ. Буржуазія все беретъ деньгами, деньгами беретъ и образованіе.

Не владѣя наукой въ достаточной мѣрѣ, народъ даетъ себя обманывать богачамъ. Кто какъ съумѣетъ—всѣ его стараются держать въ потемкахъ.

Прежде всего духовенство. Они ему не говорятъ: не кради, не обижай слабыхъ, не убивай никого, не клянись — все это запрещаетъ, молъ, религія. Нѣтъ они главнымъ образомъ настаиваютъ на одномъ: слушайся старшихъ, отца духовнаго (этого они никогда не забываютъ), всякую власть въ родѣ земскихъ, становыхъ, плати подати, коли велятъ — стрѣляй хоть въ отца родного, присягай когда начальники велятъ. Не понимаетъ народъ, что все это говорится отъ имени Христа ложно, что это требуется отъ народа, чтобы его держать въ состояніи безсознательномъ, чтобы онъ не мѣшалъ тому же духовенству и другимъ богачамъ увеличивать еще свои богатства за счетъ того же народа.

Затѣмъ въ школахъ ему даютъ не настоящую науку, а опять же въ союзѣ съ духовными, учатъ повиноваться власти и разнымъ благодѣтелямъ, при чемъ ему объясняютъ, что и помѣщикъ, его благодѣтель, даетъ, молъ, милостивый, землицы, да соломки.

Вырастаетъ бѣднякъ—и опять разные старшины и всякіе начальники толкуютъ ему все тоже. Не мудрено, что при такомъ воспитаніи, громадное число бѣдняковъ остается безсознательнымъ. Въ большей или меньшей степени все это продѣлывается и въ самыхъ такъ называемыхъ свободныхъ государствахъ. И голосуетъ народъ противъ себя и посылаетъ представителями въ палаты своихъ же враговъ.

Безсознательностью крестьянъ и рабочихъ объясняется и другое явленіе: что ихъ такъ легко

бываетъ подкупить. Возьмите мастеровъ на фабрикѣ, приказчиковъ или старостъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, лакеевъ разныхъ, словомъ тѣхъ же крестьянъ, тѣхъ же рабочихъ, но выдѣленныхъ изъ общей массы богачами. Не Богъ вѣсть, что они получаютъ — часто только ѣдятъ до сыта, да одѣваются тепло — и вотъ мы видимъ, что они сплошь да рядомъ являются лютыми врагами народа. Они не понимаютъ, что сегодня имъ тепло и сытно, а завтра ихъ выбросятъ на улицу и они такіе же бѣдняки будутъ, не говоря уже о дѣтяхъ ихъ.

И вотъ этимъ жалованьемъ они даютъ себя подкупить помѣщику или фабриканту и часто становятся для народа самыми опасными врагами. Они и доносятъ и отстаиваютъ всячески интересы капиталиста противъ народа. И измѣну народу они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ. Понятно, что не за крестьянина и не за защитника крестьянскихъ интересовъ подастъ свой голосъ такой человѣкъ, а за того же помѣщика.

Все это вмѣстѣ взятое и дѣлаетъ, что народъ, не сознавая своихъ интересовъ, даетъ полномочія своимъ же врагамъ—богачамъ. Чѣмъ объединиться между собой и забрать власть въ свои руки, они эту власть добровольно передаютъ людямъ, которые затѣмъ этою же властью пользуются, чтобы издать законы, охраняющіе не народные, а буржуазные интересы.

Такова главная причина, почему и при демократической конституціи положеніе народовъ все-таки такъ безотрадно въ смыслѣ удовлетворенія нуждъ и духовныхъ и матеріальныхъ. Народъ безсознателенъ, а потому и разъединенъ. Попробуемъ же разобраться на чемъ бы ему можно было объединиться и стать сознательнымъ. Это, повторяемъ, особенно важно теперь для Россіи, чтобы и русскому народу по невѣдѣнію не отдаться въ руки не того, такъ другого врага.

Когда великая французская народная революція сто лѣтъ назадъ отняла власть у короля, дворянства и духовенства и передала ее въ руки народа, то скоро она изъ рукъ самаго-то народа опять ускользнула и попала въ руки буржуазіи. Въ ея рукахъ власть и до сихъ поръ вездѣ, не въ одной Франціи.

И стали нѣкоторые люди обдумывать это явленіе. Народъ проливаетъ кровь за политическую свободу, а плодами этой свободы онъ пользуется конечно, но пользуется въ малой мѣрѣ. Буржуазія проливаетъ меньше крови. Правда проливаютъ ее изъ буржуазіи отдѣльныя лица исключительныя по духовному своему совершенству — но и эта-то драгоцѣнная кровь проливается не во имя конечно буржуазіи, а во имя того же народа. А власть все же въ рукахъ благодушествующей буржуазіи, а не жертвующаго собою народа! Въ чемъ же дѣло? А дѣло оказалось въ томъ, что власть неразрывно соединена съ собственностью. Много собственности, т. е. богатства—много власти; мало собственности—мало власти; нѣтъ собственности — и власти нѣтъ никакой. А собственность имѣетъ такое свойство: она при существующихъ порядкахъ неудержимо стремится въ однѣ руки. Крупный фабрикантъ можетъ выдержать товаръ въ складахъ, пока на него поднимается цѣна. Онъ можетъ выдержать долгое время стачку рабочихъ. Онъ можетъ выписать очень дорогую машину изъ за границы, которая позволитъ ему со временемъ производить товаръ еще дешевле. Всего этого маленькій фабрикантъ долго выдержать не можетъ, ибо у него нѣтъ достаточнаго капитала. Ужъ не будемъ говорить про несчастнаго кустаря, который и на матеріалъ-то занимаетъ деньги. Ясно, что мелкота не отъ одной, такъ отъ другой невзгоды разоряется, а все дѣло переходитъ въ руки крупныхъ фабрикантовъ.

Тоже и съ землей. Крупный, богатый помѣщикъ

найметъ дешевле, давъ деньги впередъ подъ работу, хлѣбъ продастъ дорого, высушивъ его и хоть два года продержавъ въ амбарѣ; а мелкій помѣщикъ, а тѣмъ болѣе крестьянинъ разоряются и идутъ къ богачу въ кабалу. Богатый же у бѣднаго скупаетъ земли.

Словомъ, одни все обогащаются, другіе — громадная масса разоряются.

И получается такая картина. У сына богатыхъ родителей, часто недоучившагося, четыре бумажки въ карманѣ: вводъ во владѣніе на тысячи десятинъ земли послѣ родителя, купчая на милліонную фабрику, квитанція банка на капиталъ въ милліоны рублей и право на построенный домъ, въ которомъ живетъ тысяча семействъ.

И вотъ въ имѣніи работаютъ тысячи крестьянъ съ женами и дѣтьми, не досыпаютъ, не доѣдаютъ, болѣютъ, умираютъ безъ доктора. На фабрикѣ рабочіе тоже работаютъ, тоже страдаютъ, тоже умираютъ. Изъ дома управляющій безъ милости гонитъ въ шею бѣдняка квартиранта, у котораго не хватило нѣсколькихъ рублей за наемъ комнаты...

А нашъ капиталистъ недоучившійся живетъ во дворцѣ, держитъ массу прислуги, ѣздитъ по заграницамъ, кутитъ во всю, соритъ деньгами и никакъ не ухитрится разсорить одни свои доходы— такъ они велики — и при этомъ палецъ о палецъ не ударяетъ и лишь получаетъ готовыя деньги, добытыя потомъ и кровью рабочихъ и крестьянъ!

Тысячи работаютъ и страдаютъ; одинъ ничего не дѣлаетъ и всѣмъ пользуется! Не нелѣпость это? не преступленіе для богача? Не безуміе для страдальцевъ — трудящихся?

Очевидно, родившись какъ и всѣ люди, мало учившись, несмотря на средства къ ученію, нашъ богачъ не имѣетъ никакихъ правъ на доходы ни съ земли, ни съ фабрики, ни съ дома, а чтобы жить, онъ долженъ работать не меньше другихъ. Очевидно, что крестьяне въ имѣніи его и рабочіе

на его фабрикѣ за свой трудъ должны получать не нищенское вознагражденіе, а всю прибыль съ имѣнія и съ фабрики. Доходы съ предпріятій должны идти не въ руки кого то тамъ, у кого въ карманѣ лежитъ извѣстная бумажка, а въ руки тѣхъ тружениковъ, которые въ этихъ предпріятіяхъ работаютъ.

Вотъ къ какому заключенію пришли люди по мѣрѣ того, какъ обдумывали бѣдственное положеніе народовъ.

Такое ученье начали называть „соціализмомъ“, а людей принявшихъ это ученіе и его распространяющихъ — „соціалистами“. Полиція, помѣщики, духовенство никогда не могли этого слова произносить безъ зубовнаго скрежета. Это и понятно: вѣдь пройди это ученье въ жизнь, у нихъ, у состоятельныхъ классовъ, отнимались капиталы, отнималась власть и переходила ко всему народу. Народъ учили ненавидѣть соціалистовъ, говорили ему, что это безбожники, которые хотятъ осквернить церкви, мошенники готовые уничтожить всякій порядокъ, чтобы поживиться на чужой счетъ, люди безъ чести, безъ совѣсти, которые хотятъ погубить крестьянъ и закрѣпостить ихъ въ свою пользу. Не перечтешь, какъ клеветали на соціалистовъ. А народъ темный волей-неволей вѣрилъ въ эту клевету, и при случаѣ готовъ былъ даже избивать соціалистовъ, не зная, что они то и есть истинные друзья народа. Многіе изъ нихъ повѣшены, многіе умерли на каторгѣ, многихъ жизнь искалѣчена ссылками и тюрьмами, а за что? За то, что они одни стояли за народъ, за его права. Придетъ время и оно близко, когда узнаетъ народъ своихъ друзей и какъ мучениковъ будетъ чтить этихъ самыхъ соціалистовъ, которыхъ онъ прежде гналъ.

Итакъ вотъ суть соціализма:

1) Всѣ фабрики, машины, словомъ всѣ „орудія производства“ переходятъ къ тѣмъ, которые на

нихъ работаютъ, и не могутъ составлять частной собственности богачей.

2) Земля тоже переходитъ изъ владѣнія частныхъ собственниковъ во владѣніе тѣхъ, кто ее обрабатываетъ.

Неправду говорятъ тѣ, которые утверждаютъ, что соціалисты просто хотятъ отобрать имущество у теперешнихъ владѣльцевъ и передать его въ руки другихъ владѣльцевъ, хотя бы и бѣдныхъ. Такіе люди, чтобы выставить соціалистовъ въ дурномъ свѣтѣ, говорятъ, что это простой грабежъ и что никакого собственно толку изъ этого не будетъ. Крестьяне и рабочіе, получивъ кусочекъ земли или частичку фабрики, различно будутъ располагать этимъ имуществомъ. Нѣкоторые пропьютъ или иначе проживутъ свою долю, и мало по малу земля и фабрики опять перейдутъ въ руки ростовщиковъ и богачей. Только перемѣнится хозяинъ, а народу, т. е. рабочимъ и крестьянамъ будетъ не легче. Все равно имъ шею придется гнуть, не передъ нынѣшнимъ хозяиномъ, такъ передъ будущимъ.

Это ложь. Соціалисты этого не хотятъ. Они утверждаютъ, что при соціализмѣ будутъ твердые законы, которые не позволятъ имѣть частной собственности на фабрикахъ или въ земельныхъ участкахъ. Рабочіе не будутъ владѣть фабриками и землею такъ, какъ владѣютъ ими теперешніе владѣльцы. Они будутъ только пользоваться ими, фабрикой — получая причитающуюся имъ часть доходовъ, землей — лично ее обрабатывая.

Обработка земли должна быть личная. Семейство само должно обрабатывать землю, не нанимая батраковъ. А если нужны батраки, значитъ у семейства слишкомъ много земли.

Вотъ въ этомъ то все и дѣло, чтобы не было батраковъ и хозяевъ. Каждый самъ себѣ и батракъ и хозяинъ. Ибо разъ были бы батраки, не было бы и экономической свободы. Само сабой, что об-

щина или извѣстный союзъ землепашцевъ придетъ семейству на помощь въ обработкѣ земли въ случаѣ смерти, болѣзни или другихъ какихъ причинъ, препятствующихъ работать.

Другое также мало обоснованное обвиненіе соціалистовъ заключается въ томъ, что они хотятъ добиться своего такимъ ужаснымъ переворотомъ, такой революціей, что начнутъ съ того, чтобы залить весь міръ кровью. Это тоже ложь. За границей, въ Германіи, во Франціи и другихъ странахъ соціалистовъ много, и понемногу они достигаютъ своей цѣли сдѣлать массы бѣднякомъ сознательными. Соціалисты тамъ засѣдаютъ въ парламентахъ и съ каждами новыми выборами ихъ становится больше и больше. Они добиваются своего: чтобы ихъ оказалось большинство въ палатѣ; тогда власть дѣйствительно перейдетъ въ ихъ руки; и они совсѣмъ мирнымъ путемъ могутъ провести соціалистическіе законы черезъ парламентъ: такимъ образомъ они надѣются и желаютъ безъ капли крови достигнуть своего.

Не ихъ будетъ вина, если правительства, побуждаемыя буржуазнымъ классомъ, сами не захотятъ исполнить закона и будутъ противно конституціи противодѣйствовать парламенту. Конечно тогда прольется кровь! и много крови! Но кто будетъ виноватъ? Тѣ ли представители народа, которые, пользуясь политической свободой, добиваются исполненія законныхъ своихъ требованій, или то меньшинство, которое отстаивая свои классовые, а не народные интересы, готовы какъ угодно нарушить законъ и конституціи, лишь бы не выпустить власти изъ своихъ рукъ? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ! И пролитая кровь, если ей суждено пролиться, падетъ на голову тѣхъ богачей, для которыхъ народа нѣтъ, честь лишь забота о своемъ собственномъ карманѣ и наживѣ.

Теперь возникаетъ вопросъ долго ли еще стра-

дать народамъ отъ экономическаго гнета буржуазіи? когда же наступитъ время торжества соціализма?

Вполнѣ опредѣленнаго отвѣта дать на эти вопросы нельзя. Сами соціалисты за границей не считаютъ возможнымъ ввести теперь же полный соціалистическій строй, т. е. добиться перехода частной собственности въ руки лишь трудящихся классовъ. Для этого нужны такія условія, которыхъ нѣтъ въ наличности. Нужна сознательность массъ и притомъ не въ одномъ только государствѣ, а въ большинствѣ государствъ хотя бы Европы. Если бы къ соціализму пришелъ одинъ только народъ, ну скажемъ нѣмцы, изъ этого ничего бы не вышло. Его бы немедленно задавили сосѣднія буржуазныя государства. Ибо для богачей французскихъ гораздо ближе интересы богачей же нѣмецкихъ, итальянскихъ, русскихъ нежели интересы французскихъ же рабочихъ. Поэтому сейчасъ же объединились бы всѣ буржуазныя правительства противъ дерзкихъ нѣмецкихъ соціалистовъ и задавили бы ихъ.

Вѣдь это и понятно. Никогда еще не было на свѣтѣ такого пореворота, какъ тотъ, котораго добьются соціалисты. Мы видѣли, что народъ всегда былъ притѣсняемъ правителями и высшими классами не тѣми, такъ другими. А тутъ онъ будетъ самъ себѣ владыкой! Выйдетъ изъ подъ власти своихъ вѣковѣчныхъ угнетателей и притѣснителей! Ясно, что такъ легко они не уступятъ этой самой власти. Войны до сихъ поръ велись между различными народами, а теперь послѣдняя рѣшительная война поведется между классами: народнымъ, пролетарскимъ и правительственнымъ, буржуазнымъ. Опять повторяемъ: не соціалисты хотятъ этой войны: они хотѣли бы добиться правды мирнымъ путемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что ихъ враги не только не удовлетворятъ всѣхъ ихъ законныхъ требованій, но и на уступки не пойдутъ. Страшная, кровавая борьба неизбѣжна. Борьба, которая распространится если не на весь міръ, то

во всякомъ случаѣ на всю Европу. Возстанетъ противъ народныхъ правъ въ защиту вѣчнаго насилія вся буржуазія. Съ границами между государствами она считаться не будетъ. И побѣдить ее можно будетъ лишь такъ же объединившемуся пролетаріату. Поэтому-то заграничные соціалисты и обращаются постоянно къ пролетаріату съ однимъ призывомъ: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“. Не пролетаріи одной какой либо страны, а лишь объединенный пролетаріатъ всего міра или всей Европы могутъ рискнуть дать рѣшительное сраженіе буржуазному строю. А для этого нужна еще громадная подготовительная работа въ массахъ. Только сознательныя, вполнѣ сознательныя массы могутъ итти на такую борьбу, гдѣ многимъ вѣроятно придется сложить свои головы.

Можно ли поэтому отвѣтить на вопросъ: когда это будетъ?—какъ ни мучительно хочется скорѣе добиться его разрѣшенія.

Мы, говоря о заграницѣ, все время упоминали одинъ пролетаріатъ, а не крестьянъ, потому, что за границей землей, какъ и фабриками владѣютъ одни капиталисты, крупные и мелкіе, а работаютъ батраки, пролетаріи, такіе же какъ и на фабрикахъ. Въ Россіи землевладѣніе стоитъ иначе. Часть земли въ рукахъ капиталистовъ-землевладѣльцевъ, часть же въ рукахъ самихъ трудящихся землепашцевъ. У насъ община, тоже состоящая изъ бѣдняковъ. И эти бѣдняки крестьяне въ борьбѣ за лучшее будущее, не теряя времени, должны итти рука объ руку съ пролетаріатомъ.

Мы видѣли, что революціи за границей имѣли въ виду лишь одно: добиться политической свободы. Думали, что въ этомъ и заключается истинное народовластіе. Но исторія показала, что политическая свобода народовластія не даетъ и что власть неразрывно связана съ капиталомъ. Сильная этимъ опытомъ Россія, говорили мы, должна поставить себѣ нѣсколько болѣе широкую задачу,

чѣмъ разрѣшенную революціями въ западной Европѣ. Нужно теперь же, какъ результатъ русской революціи, нанести ударъ одному разряду капиталистовъ, который вѣками и теперь еще наиболѣе гнететъ русскій трудящійся народъ въ лицѣ большинства его — русскаго крестьянства. Нужно изъять изъ рукъ помѣщиковъ великое русское сокровище — землю и передать ее немедленно въ руки ея истинныхъ, настоящихъ, доселѣ ограбленныхъ собственниковъ — крестьянъ.

Если еще можетъ у нѣкоторыхъ явиться сомнѣніе на счетъ справедливости или несправедливости насильственнаго перехода дома или фабрики изъ рукъ капиталиста въ руки народа, то на счетъ земли эти сомнѣнія врядъ ли могутъ возникнуть. Далѣе: фабрики выстроены на деньги. А вѣдь земля—„божья“, какъ говорятъ крестьяне. А кто ее забралъ, тотъ забралъ чужое, „божье“, народное. Поэтому отбирая землю у помѣщиковъ, народъ не ограбитъ ихъ, а только вернетъ свою собственность, ту самую землю, изъ которой столько лѣтъ помѣщики тянули соки вмѣстѣ съ народной кровью и народнымъ потомъ. Да чего тутъ доказывать? всякій русскій человѣкъ кромѣ помѣщика, да капиталиста, въ душѣ понимаетъ, что земля—крестьянская.

Теперь представимъ себѣ, что будетъ съ Россіей, когда всей землей будутъ пользоваться не богатые землевладѣльцы, а тѣ самые люди, которые ее пашутъ, и то пашутъ конечно сами, а не при помощи батраковъ. Право обрабатывать землю и ею пользоваться конечно получатъ не одни тѣ, которые теперь имѣютъ землю и числятся надѣльными крестьянами, а всѣ умѣющіе и желающіе работать на землѣ. Многіе сядутъ на землю мѣщане, безземельные крестьяне, многіе рабочіе съ фабрикъ.

И теперь крестьяне, обрабатывающіе землю, составляютъ большинство русскаго народа. Тогда ихъ

будетъ еще больше. Что же получится? Для громаднаго большинства народа будетъ достигнута не только политическая свобода, но и экономическая. Помѣщиковъ не будетъ, а ростовщики изъ крестьянъ и торговцы не будутъ имѣть той силы, что теперь, потому что не будутъ имѣть права обезземелить своихъ должниковъ.

Истинно политически и экономически свободный народъ, очевидно, и правительство себѣ создастъ такое, которое будетъ способствовать этой свободѣ дальше и дальше развиваться. Въ палату депутатовъ будутъ посылаться люди любезные народу, а не угодные богачамъ. Словомъ власть, и притомъ власть дѣйствительная, будетъ въ рукахъ всего народа, а не буржуазнаго класса.

И получитъ власть народъ русскій вмѣстѣ съ землей, и съ властью получитъ свободу отъ богачей, т. е. волю. „Земля и Воля“ — вотъ великая и притомъ ближайшая будущность русскаго народа. И онъ первый во всемъ свѣтѣ получитъ эту власть, ибо всегда хранилъ завѣтъ, что земля — „божья“, т. е. его.

Многіе спрашиваютъ: а что сдѣлаютъ крестьяне, коли даже земля перейдетъ въ ихъ пользованіе? Съумѣютъ ли они ее правильно раздѣлить? Они, говорятъ, сами передерутся изъ-за земли. Они не вполнѣ еще сознательны. Легкое ли дѣло: подѣлить всю Россію между милліонами землепашцевъ! Село пойдетъ противъ села, государственные крестьяне противъ помѣщичьихъ, губернія на губернію. Безъ власти нельзя!

Забываютъ, что власть будетъ! и власть, которой всѣ будутъ слушаться за совѣсть, а не за страхъ. Это будетъ власть народа! „Землевольное“ народовластіе!

Тотъ народъ, который еще не могъ себя показать, не имѣя свободы при наличности таковой съумѣетъ выставить людей, которые рѣшатъ народные вопросы!

И не однимъ крестьянамъ будетъ хорошо, а всему народу. Фабричные рабочіе, хотя и оторваны отъ земли, но связи съ землей не потеряли. Многихъ изъ нихъ право на землю вернетъ въ деревню и наоборотъ свободнѣе будетъ переходъ изъ деревни на заводъ или желѣзную дорогу.

Свободное отъ экономическаго гнета крестьянство черезъ своихъ депутатовъ съумѣетъ и пролетаріату обезпечить по мѣрѣ возможности экономическую свободу. Мы этимъ не хотимъ умалить значенія русскаго пролетаріата. Онъ много сдѣлалъ для русской революціи, больше чѣмъ крестьянство. Но въ Россіи, какъ ни какъ, громадное большинство — крестьянское. И если бы мы должны были разсчитывать только на пролетаріатъ безъ крестьянъ, то не скоро получили бы мы желаемую экономическую свободу. Въ другихъ странахъ онъ сильнѣе, и то окончательно побѣдить врага онъ не только не можетъ до сихъ поръ, но и врядъ ли сможетъ въ ближайшемъ будущемъ. Россіи поможетъ доведенное до отчаянія крестьянство. Поможетъ оно устроить свою дальнѣйшую судьбу и пролетаріату. Поэтому пусть насъ поддерживаетъ вѣра въ это близкое лучшее будущее, которое поставитъ наше отечество на первое мѣсто въ ряду истинно свободныхъ государствъ.

Наконецъ, естественно возникаетъ еще одинъ послѣдній вопросъ: а какъ достигнуть этого счастья какъ получить власть, а съ нею вмѣстѣ землю и волю?

Понятно, что власть крестьянство можетъ получить, лишь разсчитывая само на себя. Вѣдь не разстанутся сь землей добровольно господа помѣщики! А правительство, чиновники вѣдь это — тѣ же дворяне, помѣщики. И духовенство много еще лжи пуститъ въ оборотъ, чтобы сохранить свою земельку и свое вліяніе на крестьянъ. Поэтому на кого крестьянству разсчитывать, какъ не на самого себя? Вѣдь крестьяне сила громадная, невѣроят-

ная... но конечно при одномъ условіи, чтобы было между ними единеніе. Ничего оно не добьется безъ единенія. Надо помнить: нужна борьба, борьба нелегкая! „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“— говорятъ соціалисты. А какая борьба безъ единенія?

Есть теперь въ Россіи громадное общество крестьянъ подъ названіемъ: „крестьянскій союзъ“. Члены его разбросаны по всей Россіи. Цѣлыя села, цѣлыя волости, чуть не цѣлые уѣзды сплошь примкнули къ союзу. Союзъ — крестьянскій. Сами крестьяне на съѣздъ посылали своихъ выборныхъ, которые выработали между собой, что дѣлать крестьянамъ въ предстоящей борьбѣ.

Борьба крестьянъ съ помѣщиками изъ-за земли уже началась, но началась она безъ порядка и сопровождается нежелательными явленіями. Къ чему жечь усадьбы? Хлѣбъ? Развѣ все это не пригодится самому же крестьянину?

Все это поняли крестьянскіе выборные, съѣхавшіеся въ Москвѣ, и выработали цѣлый рядъ мѣръ, какъ бороться крестьянству изъ-за земли съ наименьшими потерями и съ наибольшей надеждой на успѣхъ. Ихъ постановленія дѣлятся на двѣ части. Одни касаются политической свободы— „Воли“, другія относятся къ „Землѣ“.

Что касается „Воли“, то прежде всего союзъ постановилъ объединиться крестьянству въ одинъ великій союзъ, который бы сталъ добиваться „учредительнаго собранія“. Учредительное собраніе это такой же парламентъ. но созванный только одинъ разъ для того, чтобы составить основные законы: опредѣлить форму правленія, систему выборовъ, обезпечить разныя свободы гражданъ и т. д.

Такъ вотъ крестьянскій союзъ такъ же какъ и пролетаріатъ, да и просвѣщенная часть буржуазіи требуютъ прежде всего въ Россіи созыва учредительнаго собранія „всеобщимъ“, „равнымъ“, „прямымъ“ и „тайнымъ“ голосованіемъ безъ различія пола, народности и вѣроисповѣданія.

1) Всеобщимъ называется голосованіе, когда депутатовъ въ палату выбираетъ весь народъ, конечно съ извѣстнаго возраста, напримѣръ всѣ граждане не моложе 20 лѣтъ. Почти нигдѣ еще въ мірѣ не участвуютъ въ голосованіи женщины. Наши же лучшіе люди хотятъ дать одинакія съ мущинами права и женщинамъ.

2) Равнымъ голосованіемъ называется такое, когда одинаково по одному голосу имѣютъ и бѣднякъ безграмотный и богатый ученый. Дѣло въ томъ, что въ иныхъ странахъ голосованіе всеобщее, т. е. всѣ голосуютъ, но не равное: богатому или ученому даютъ одному два или три голоса, конечно, чтобы перетянула буржуазія, а не пролетаріатъ.

3) Прямымъ называется голосованіе когда народъ прямо выбираетъ депутатовъ въ парламентъ, напримѣръ одного отъ ста тысячъ. А бываетъ и такъ: отъ каждой тысячи жителей выбирается одинъ выборный, а отъ ста выборныхъ одинъ депутатъ. Это двухстепенные выборы. А то могутъ быть и трехстепенные. Прямые лучше потому, что народъ знаетъ кого посылаетъ и если выбранный плохъ, то не на кого жаловаться. А при системѣ выборныхъ, на нихъ иногда можно вліять богатствомъ, а то и знакомствомъ.

4) Наконецъ голосованіе—тайное, когда всякій подаетъ закрытую записку съ именемъ депутата, за котораго онъ голосуетъ. А если голосованіе не тайное, напримѣръ на сходѣ, то на волю каждаго гражданина можетъ повліять богатый сосѣдъ, которому онъ долженъ, полицейская власть и т. д. Понятно что голосованіе должно быть тайнымъ.

А такъ какъ всѣ люди равны, то право голосованія должно быть дано всѣмъ гражданамъ Россіи одинаково: мущинамъ и женщинамъ; русскимъ и всевозможнымъ другимъ народамъ, живущимъ въ Россіи: евреямъ, армянамъ, полякамъ, грузинамъ и т. д., и т. д.; православнымъ и исповѣ-

дующимъ другія религіи, христіанскія и нехристіанскія.

Только при такомъ условіи всеобщаго равенства можно въ результатѣ получить истинно-демократическую конституцію, которая обезпечитъ народу „волю“.

Учредительное собраніе наравнѣ съ основными законами должно выработать и земельный законъ. Онъ тоже долженъ быть основнымъ.

Таковы должны быть требованія. И если они будутъ предъявлены дружно и настойчиво всѣмъ русскимъ народомъ, то можно ли сомнѣваться въ успѣхѣ? Можно ли сомнѣваться, что если у народа будетъ Воля, то ужъ не трудно будетъ ему добиться и Земли? Но надо, чтобы это произошло скоро, по возможности теперь же! А для этого нужно, чтобы народъ убѣдился, что счастія и освобожденія отъ гнета онъ не получитъ безъ Воли и безъ Земли, и что наоборотъ съ Волею и Землею къ нему постепенно въ хату проберется и Счастье.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Книгоиздательство

Ал. Арабидзе.

Поступили въ продажу:

В. А. Щегло — Политическая стачка въ Россіи и революціонная борьба. — Ц. 10 к.

В. Зомбартъ — Промышленность. — Ц. 25 к.

В. Старосельскій — Кавказская драма. — Ц. 10 к.

А. Чхенкели — Филистерствующій премьеръ и великая революція. — Ц. 5 к.

Л. Брентано — Этика и народное хозяйство. — Ц. 10 к.

М. Сакарели — О барикадной и уличной борьбѣ. — Ц. 7 к.

А. Новиковъ — Въ чьихъ рукахъ должна быть власть. Ц. 15 к.

Складъ изданія: Мойка 28, кв. 19.

Ал. Арабидзе.

Цѣна 15 коп.